

Татьяна Тренина

Дворец
для сероглазого
принца

русский любовный
роман

Татьяна Трoнина

Дворец для сероглазoго принца

«ЭКСМО»

2007

Трoнина Т. М.

Дворец для сероглазoгo принца / Т. М. Трoнина — «Эксмо»,
2007

У Кати все так хорошо: чудесный сын, отдельная квартира, престижная работа и, самое главное, – любимый человек! Они обязательно поженятся. Вот только дочери Алексея исполнится восемнадцать лет, и он уйдет от жены к Кате. Во всяком случае, так он обещает... И вдруг, неожиданно для себя, Катя открывает старую истину: нельзя строить свое счастье на чужом горе. Она отказывается от Алексея. Но он, что называется, уперся. И счастливая жизнь Кати разбивается вдребезги. Ее сыну угрожает смертельная опасность! Стремясь спрятать его от сумасшедших преследователей, Катя разыскивает... отца мальчика! Каким он стал, Григорий Ганин, с которым она рассталась много лет назад? Все такой же эгоист до мозга костей? Неужели он не изменился и не поможет ей? Или, все-таки, помощи нужно ждать от Алексея – если он, конечно, по-прежнему любит Катю...

© Трoнина Т. М., 2007

© Эксмо, 2007

Татьяна Тренина

Дворец для сероглазого принца

* * *

У спуска, где лыжня уходила вниз, Алексей вдруг остановился и повернул к Кате разгоченное лицо.

– Нам ведь и так хорошо, правда? – с каким-то особым, серьезным выражением спросил он.

Катя, которая ехала вслед за ним, на миг растерялась – она сейчас думала совсем о другом, но потом собралась и выдохнула с облачком пара:

– Да...

Он некоторое время смотрел на нее, словно ожидая еще каких-то слов, а потом отвернулся и, с силой оттолкнувшись палками от склона, заскользил вниз – только снег зашуршал под лыжами. Туда, где в белоснежной долине, окруженной со всех сторон елями (классический пейзаж для новогодней картинки), возились Мика с Витей и Маринкой.

Мика познакомился с новыми друзьями только вчера, но со стороны казалось, будто они давным-давно друг друга знают. Витя и Маринка – брат и сестра, погодки, вместе с родителями они жили в соседнем номере. Маринке, как и Мике, одиннадцать, а Витя годом младше, и он полностью подчинялся своему новому товарищу.

Солнце медленно опускалось за лес – и от нестерпимого золотого сияния на глаза у Кати невольно навернулись слезы. «Алексей прав – все хорошо, – подумала она, заслоняясь от солнца ладонью в шерстяной перчатке, покрытой мелкими ледяными катышками. – Чего еще желать?..»

Она стояла и смотрела вниз – сын и его друзья играли в снежки, сняв лыжи. Бегали, хохотали, падали... Их вопли и смех временами доносились до Кати. Потом к детям стремительно подъехал Алексей и стал заставлять их вернуться на лыжню. Мика и в него запустил снежком.

Катя засмеялась и стала осторожно съезжать вниз. На лыжах она чувствовала себя не очень уверенно, хотя Алексей перед поездкой в этот подмосковный дом отдыха купил им с Микой самые лучшие, вместе с прочей экипировкой.

Ветер свистел в ушах и охлаждал лицо, когда она съезжала вниз, слегка согнув ноги в коленях и зажав палки под мышками, острыми концами назад. «Кажется, все правильно делаю!» – мелькнула в голове мысль, и от этого уверенности у нее прибавилось. Она довольно ловко спустилась в долину.

– Мам, молодец! – заорал Мика, а Алексей поднял вверх большой палец.

Дальше дорога шла по лесу, петляя между деревьями. Алексей ехал впереди, прокладывая лыжню, а Катя замыкала шествие.

Солнце еще пробивалось сквозь верхушки темно-зеленых сказочных елей и золотыми полосами ложилось на снег. Катя вдруг вспомнила, что читала где-то – в декабре в среднем бывает всего два солнечных дня. Ясная, не слишком морозная погода держалась уже два дня – ровно столько, сколько Катя с Микой и Алексеем отдыхали здесь. По всему получалось, что они получили лучшее, что можно ожидать от самого темного и хмурого зимнего месяца...

– Снегирь! – взвизгнула Маринка, указывая палкой вверх. – Глядите все – снегирь! С красным брюшком!

– Тоже мне, удивила... – скептически фыркнул Мика. – Тут, между прочим, кабаны бегают!

– Где? – растерялась Маринка.

– Вон – следы от копыт! Да не там, слева!
– Мапочки!.. – перепугалась девочка, вертя головой.
– Мика, прекрати! – сердито прикрикнула на сына Катя. – Нет тут никаких кабанов!
– Нет, есть, – заявил Витя. – Я, кажется, видел одного – вчера утром, из окна нашего номера...

– Ври больше! – возмутилась его сестра. – Почему ты тогда сразу не сказал?
– Ребята, не отставайте! – позвал всех Алексей, который был уже далеко впереди. – Скоро стемнеет...

Темнело и в самом деле очень быстро – до дома отдыха добрались, когда уже опустились прозрачные сиреневые сумерки и на аллеях вспыхнули фонари.

Мика быстро переоделся и убежал – новые друзья обещали ждать его внизу, в холле. Это очень порадовало Катю – обычно сын неохотно заводил знакомства, предпочитая проводить время за компьютером. Бабушка Лиза и тетки – Даша и Нина – не раз предрекали, что «Мишенька еще хлебнет горя с таким характером».

«Завтра вечером скажу им, что я думаю об их предсказаниях!» – злорадно подумала Катя, которая всегда находилась в небольшой конфронтации со своей родней.

– Как я люблю тебя... – сказал Алексей, когда они остались в номере одни.
– Как? – улыбнулась Катя, сев к нему на колени и положив руки ему на плечи. – Ну – как?..

– Безумно. Безумно и страстно! – серьезно произнес он, без всякого намека на театральность. – Ты лучше всех!

И так же серьезно он принялся целовать ее...

К ужину Катя вышла в темно-сером вязаном платье, которое – она знала – очень шло ей. Дополнила наряд светлыми туфельками, которые она не поленилась захватить с собой. Волна темных волос спускалась почти до середины спины... Смесь простоты и изящества – так оценил Алексей внешний вид Кати. Он ревностно относился к тому, как она выглядела, словно был главой государства, чья вторая половина обязана всегда находиться на должном уровне.

Многочисленные аляповатые зеркала в столовой отражали тонкую юную женщину с идеальным, нежным цветом лица, благодаря которому Катя выглядела намного моложе, чем на самом деле. Впрочем, тридцать три – еще не старость. «Ты похожа на эльфийскую деву, – однажды, давным-давно, заявил ей как-то один поклонник. – Вроде бы человек, а вроде бы – нет...» Комплимент был довольно сомнительным, но тем не менее Катя приняла его с благодарностью – она поняла смысл сказанного. Ее красота – сказочная, вне возраста, не от мира сего...

– Где же Мика? – спросил Алексей, подвигая ей стул.
– Сейчас придет... Вот, а ты говорил, что он будет нам мешать! – с укором произнесла Катя. – А его не видно и не слышно...
– Милая, это ты так говорила! – мягко напомнил он.
– Ах, не придумывай... – отмахнулась она. – Кстати, что сегодня на ужин? Я не буду есть эти булки с маслом!

Булочки – чудесные, свежие, ароматные – пеклись тут же, в местной пекарне, и Мика с Алексеем буквально сходили по ним с ума. Впрочем, как и остальные гости дома отдыха. Но Катя никогда не позволяла себе таких излишеств – она ненавидела все, что можно было считать слабостью, и потому искореняла в себе тягу к свежим булочкам, сливочному маслу, румяной корочке на курице, шоколаду и прочему, что портит фигуру. «Это ты от голода такая злая!» – не раз заявляли ей тетки вкупе с родной матерью.

Мика прибежал позже – румяный и взлохмаченный, сразу же набросился на рисовый пудинг со сладкой подливкой.

– А булки где? – Он полез в корзинку, накрытую салфеткой. – Мам, ты ведь не будешь? Я съем твою...

– Ради бога, Мика. Но, умоляю, не торопись так! – обеспокоенно произнесла Катя и попыталась пригладить его непослушные вихры. Мика был светловолос и сероглаз. «Настоящая арийская кровь! – не раз шутил Алексей. – И в кого он только такой...» Но Катя никогда таких шуток не поддерживала.

Она считала себя хорошей матерью. Правда, женская часть ее родни в лице мамы, тети Даши и тети Нины не раз твердила, что Катя «бесчувственная, словно бревно, – ребенка лишний раз приласкать не может!» Но она считала, что сюсюкать с мальчиком – только портить его. «Не желаю из него маменькиного сынка делать! – возражала она. – Все, хватит! Уже был в моей жизни один маменькин сынок!»

Через пять минут Мика покончил с ужином и снова убежал, выпросив у Кати энную сумму на игровые автоматы.

Алексей проводил его одобрителем взглядом.

– Я на одиннадцать забронировал сауну, – сказал он. – Пойдем?

– Ночью – в сауну? – удивилась Катя.

– Да, а что? Уложим этого арийца и пустимся во все тяжкие...

В половине одиннадцатого они с невероятным трудом загнали Мику в номер, а сами отправились в сауну. Никого, кроме них, там не было. Жар раскаленного воздуха и молочная голубизна небольшого бассейна с подсветкой... Завораживающий плеск воды о мраморный бортик и полная, глухая тишина. Сауна располагалась в подвальном помещении, и ни один звук извне не проникал сюда. Они болтали, смеялись, пили пиво. Целовались без конца.

– Лешка...

– Что?

– Мне так хорошо... Знаешь, мне сто лет так хорошо не было! – призналась Катя, положив голову на его влажное теплое плечо.

– Значит, я молодец? – улыбнулся он, перекатывая в ладонях бутылку с пивом. – Ведь это я придумал отвезти вас сюда...

– Ты молодец, Лешенька... – протянула она и пощекотала его за ухом. – Ты у меня золото...

На следующий день они осваивали снежок, гуляли по лесу, водили хороводы вокруг голубой ели, росшей во дворе дома отдыха и уже украшенной по случаю грядущего праздника, стреляли в тире...

После ужина Алексей посадил всех в машину, и они по обледеневшей, неровной дороге медленно отправились в Москву. Мика сразу заснул на заднем сиденье.

– Нет, что ни говори, три дня вне дома – в самый раз! – заметил Алексей, уверенно держа руль. – Если меньше – не отдохнуть толком. А больше – взвоешь от этой природы.

– Скажешь тоже! – фыркнула Катя. – Природа не может надоесть!

В городе были пробки. Сквозь них с трудом доехали до дома, в котором жила Катина родня.

– Мика, мальчик, просыпайся, – она осторожно затормошила сына.

– Что, уже? – разлепил тот сонные глаза. – Ма, я не хочу! Поехали домой...

– Мика, нет. Я же работаю...

Катя вытащила сына из машины.

– Леша, я быстро...

Они с Микой побежали к подъезду.

– Я не могу оставлять тебя на целый день одного дома, – терпеливо объясняла она. – Каникулы же почти до середины января!

– Ма, я уже взрослый...

– Мика, нет.

Дверь открыла Катина мама – Алевтина Викторовна. Женщина, презиравшая диеты и воздержание...

– Мишенька! – ахнула она и притиснула внука к своей пухлой груди. – Ангел мой золотой! Как же я по тебе соскучилась...

Из-за спины Алевтины Викторовны показались ее сестры, Катины тетки. Они тоже завопили нечто восторженное, невразумительное и принялись по очереди тормозить Мику. Жили тетки в разных концах Москвы, но к Новому году непременно собирались у своей матери, главы рода Телегиных – бабы Лизы. Бабе Лизе, приходившейся Катиному сыну прабабкой, было восемьдесят семь, но, несмотря на годы, она отличалась ясным критичным умом и язвительным характером.

Баба Лиза была тут как тут – растолкав трех дочерей, она увидела стоящих в прихожей Мику и Катю.

– Прибыли, значит, – констатировала она, поправив на голове шерстяной платок, который не снимала с головы круглые сутки, поскольку постоянно мерзла. Лицо ее, темное и морщинистое, передернуло гримаса раздражения. – Шуму-то, шуму...

– Привет, баб Лиз, – деловито заметил Мика, снимая с себя верхнюю одежду. – Как дела?

– Дела на букву... – заскрипела баба Лиза, но дочери не дали договорить, на какую именно букву были дела.

– Мама, не выражайтесь при ребенке! – спохватившись, завопили они.

Баба Лиза покосилась на них темными, блестящими глазками и с вызовом произнесла:

– Чего вы мне рот затыкаете, а?.. Матери родной...

– Мама, но вы иногда позволяете себе произносить такие слова... – залепетали тетя Нина с тетей Дашей – старшие сестры-двойняшки, одинаково круглые, с одинаково стриженными выющимися волосами, крашенными в иссиня-черный цвет, отчего казалось, будто они нацепили на себя шапочки из каракуля.

– Нешто ребенок этих слов не знает... – буркнула баба Лиза и, протянув вперед руку, затопала в сторону кухни. – И вообще, допекли вы меня все! Я к Митечке уйду, он давно меня зовет... Совсем заездили старуху!

Митечка, или Дмитрий Родионович Быков, пятидесяти трех лет, был младшим ребенком бабы Лизы, и потому – самым любимым. Он приходился сводным братом Катиной матери и ее теткам, поскольку баба Лиза в молодые годы постоянством не отличалась. Замужем она была несколько раз.

– На Новый год к нам придешь? – испытующе глянув на дочь, спросила Алевтина Викторовна.

– Приду, – обещала Катя.

– Как-никак семейный праздник... – вздохнули тетя Нина и тетя Даша. – Митька со своей Ставридой тоже придет.

Ставридой они звали жену брата, Леонида Станиславовну.

– Баба Лиза и в самом деле к ним хочет переехать? – на всякий случай поинтересовалась Катя.

– Она-то хочет, да кто ее туда возмет... – туманно заметила Алевтина Викторовна. – Ты же знаешь, ее обожаемый Митечка палец о палец ради матери не ударит. И его Ставриде тоже лишняя обуза не нужна.

– Ну да... – вздохнула Катя. – Ладно, я пойду.

Она на прощание поцеловала сына и убежала.

Алексей ждал ее в машине, нетерпеливо покусывая губы.

– Как ты долго!

– Да ты понимаешь – тетушки, бабушки... – раздраженно заметила Катя. – Такой курятник! Если бы не работа, ни за что бы Мику им не отдала...

Дальше они ехали молча.

Перед высотным новым домом Алексей затормозил.

– Зайдешь? – с надеждой спросила Катя.

– Нет времени... – он крепко прижал ее к себе. – Все, пока! Завтра позвоню...

– Леша... – она потерлась виском о его щеку. – Я буду скучать.

– Я тоже. Я всегда по тебе скучаю.

Она, словно в последний раз, взгляделась в его лицо. Алексей чем-то напоминал одного известного актера времен соцреализма – темно-русые густые волосы, широкий подбородок с ямочкой, лепные крупные губы, четкий контур бровей, большие глаза – серьезные и веселые одновременно. Карие, с золотистыми искорками...

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю...

Она поцеловала его и хлопнула дверцей машины.

Алексей подождал, пока она войдет в подъезд, а затем уехал.

Дома тихо и пусто без Мики, без Алексея. Завтра Кате на работу с утра пораньше, а завтра – тридцать первое декабря. «И кто придумал в такой день работать...» – лениво подумала она, скидывая с себя одежду.

На полках стенного шкафа – от пола до потолка – стояли фигурки деревянных коней. У Кати было хобби – она вырезала из дерева, причем только этих животных. На подоконнике стояла заготовка – чурбачок из ольхи, на котором контуры будущего скакуна были едва намечены, а рядом набор специальных инструментов – стамеска, резак, рашпиль... Хобби было отнюдь не женским, но Катя ничего не могла с собой поделаться, для нее не было ничего слаще в свободную минутку взять в руки дерево и стесать лишнее, чтобы появился на свет очередной конь-огонь – с резной гривой, длинной изящной мордой и тонкими ногами, готовыми, кажется, в любую минуту унести его вскачь...

Но сейчас она слишком устала.

Катя приняла душ, выпила пустого чая и легла спать. Но долго не могла заснуть – мешала, давила на уши тишина. Современные пластиковые окна не пропускали ни одного звука с улицы.

Эту квартиру Катя купила сама несколько лет назад, когда поняла, что не в силах больше жить со своей родней. Она искренне их всех любила – и маму, и бабу Лизу, и своих бестолковых теток, которые часто навещались к ним, но...

Квартиру Катя купила, когда самого дома еще и в помине не было, рабочие только котлован рыли. Зато квадратные метры на этой, так называемой нулевой стадии стоили гораздо дешевле, чем если бы Катя покупала уже готовую квартиру. «Омманут! – предрекала баба Лиза. – Денежки возьмут, а дом не построят! Ох, Катька, неймется тебе...»

Но дом тем не менее построили – почти к обещанному сроку. И Катя с сыном переехали сюда. Мика, тогда еще несознательный детсадовец, был в полном восторге – он любил все новое, знакомое.

Катя потом еще год расплачивалась с долгами. Но это были такие пустяки по сравнению со свободой, которую она обрела... Ведь свобода дороже всего, твердила она себе все время. Это были не ее слова – чужие, но тем не менее она свято верила в них.

Она заснула, и ей сразу приснился Алексей – как будто бы он рядом и ему никуда не надо уходить...

* * *

В третьем часу Нелли проверила, заперт ли шкаф с реактивами, выключены ли автоклав с сушильным шкафом. И только потом сняла с себя халат.

Здесь, в лаборатории молочного завода, вечно витал сладковатый творожистый запах, очень неприятный и непривычный для постороннего человека, но почти незаметный для тех, кто здесь работал.

Нелли последние десять лет являлась заведующей лабораторией. Ее работа микробиолога была довольно рутинной – бери пробы черпаком да сиди потом целый день у микроскопа в обнимку с так называемой чашкой Петри – плоской стеклянной миской, чем-то похожей на пепельницу.

– С наступающим, Нелли Георгиевна! – крикнули ей на проходной.

– И вас так же! – весело ответила она.

Она села в свои «Жигули» и сразу же отправилась в большой супермаркет. Набрала целую тележку продуктов, потом еле запихнула все это в багажник. Затем заглянула в сувенирный магазинчик, который располагался тут же, возле супермаркета, и купила заколку для галстука, серебряную визитницу и серьги из янтаря.

«И зачем только все на последний день отложила!» – с отчаянием подумала она, продираясь сквозь людскую толпу обратно к машине. Но позаботиться обо всем заранее Нелли не могла – слишком много хлопот у нее было. И работа, и дом...

Она заранее позвонила дочери – чтобы та спустилась и помогла ей с сумками.

Когда Нелли подъехала к своему подъезду, Поля – подросток-переросток – уже ждала ее у входа, кутаясь в ярко-желтую осеннюю куртку, а рядом с дочерью...

– Господи, Герман! – обрадовалась Нелли, вылезая из машины. – Все-таки выписали!

– Не выписали, я сам от них сбежал! – усмехнулся Герман, ее двоюродный брат. Небритый, бледный, с зеленоватыми тенями возле глаз...

Что ж, язва желудка никого не красит. Раньше Герман крепко пил, и жена ушла от него к другому вместе с детьми. Потом он пить бросил, но жена все равно не вернулась. Герман маялся желудком и ненавистью к своей бывшей половине – скорее всего, именно эта ненависть, точно кислота, и разъедала его изнутри. Нелли любила брата и жалела.

– Твой-то где? – спросил Герман, перехватывая у Нелли тяжелые сумки.

– Как где... на работе. Поля, умоляю, осторожнее – там стеклянные банки! И зачем ты эту куртку надела – мороз же на улице!

– Отстань! – огрызнулась Поля.

– Полюшка-Поля... – Герман свободной рукой прижал к себе племянницу. Он питал к Поле поистине отцовскую нежность с тех пор, как ему запретили встречаться с собственными детьми. – Выросла-то как! Нелли, я ведь вас с осени не видел...

– Выросла, а мозгов не больше, чем у канарейки! – сердито произнесла Нелли уже в лифте. – Поругалась с историчкой, и та ей теперь больше тройки не ставит.

– Мама!

– Ну что – мама...

– Не ругай ее, у Поли переходный возраст, – заметил Герман.

– Знаем мы этот возраст...

– Мама!..

Поле было пятнадцать. Странное, неопределенное, тоскливое безвременье – уже не дитя, но еще и не взрослая...

Дома Нелли бросилась сразу же на кухню. Поля и Герман хотели помочь ей, но Нелли их выгнала – все равно от них никакого толку.

Через час забежала в гостиную – там Поля с Германом увлеченно играли в шашки. Поля рассеянно грызла конец тонкой рыжей косицы. Она была в мать – такая же рыжая и конопатая.

– Поля, папе позвони! Что-то он застрял...

– Папа сам только что звонил, – сказала Поля, не отрывая глаза от доски. – Сказал, что через полчаса будет.

– Что же ты мне сразу не сказала! – рассердилась Нелли.
– Ну вот – говорю. Папа будет через полчаса, – раздельно произнесла Поля.
– Нелька, да успокойся ты! – строго произнес Герман. – В такой день нельзя ругаться.
– Пьют они там, – мрачно произнесла Нелли, вытирая руки о фартук. – В этом банке своем...

– Не пьют, а отмечают, – вскользь заметила Поля, внимательно глядя на доску с шашками. – А мы вот так, так... и в дамки! Что, дядь Герман, сдаешься?

– Сдаюсь... И что плохого в том, что отмечают? – спросил двоюродный брат. – Он же деликатный человек, не будет в стельку надираться... Кто он у вас по должности?

– Папа – руководитель отдела кредитования, – важно произнесла Поля. – Занимается анализом инвестиционных проектов и все такое...

– Серьезный человек! – благоговейно поднял палец Герман. Он не мог не уважать Неллиного мужа, поскольку, будучи безработным, существовал на то, что перепадало ему от родни.

– Я не того боюсь, что напьется, а того, что потом за руль сядет, – вздохнула Нелли. – Дорога скользкая, все как сумасшедшие ездят... И он такой усталый все последнее время, что прямо за ужином носом клюет. А недавно его услали в командировку, на три дня...

Она не успела договорить, потому что раздался звонок в дверь.

– Папа! – завопила Поля и свалила доску с шашками на пол.

Это и в самом деле вернулся с работы глава семьи – Алексей Геннадьевич Караваев.

Поля повисла у него на шее, Нелли, нервно потирая ладони, улыбалась счастливо и с облегчением, Герман топтался в дверях, дожидаясь того момента, когда ему позволят пожать руку Алексею. Словом, приход в дом главы семейства произвел настоящий фурор, хотя ничего необычного в том не было. Просто Алексей был здесь чем-то вроде божества.

– Господи, как хорошо дома... – пробормотал Алексей, отцепив от себя дочь, и сел на пуфик прямо возле дверей. Медленно стал расстегивать пуговицы итальянской дубленки, бормоча: – Вчера только из командировки вернулся, а сегодня уже целый воз работы навалили...

– Бедный, бедный! – Нелли буквально раздирала жалость. – Поля, да не висни ты на папе! Герман, пожалуйста, налей Леше чаю...

Потом Нелли вспомнила, что забыла поставить шампанское в холодильник. Она носилась, словно угорелая, пока в одиннадцатом часу Алексей не заставил ее сесть рядом с собой на диване.

– Все, Нелька, ты тоже отдохни... Черт с ними, с этими закусками. Будь моя воля, я бы выпил бокальчик шампанского и... сразу на боковую.

– Папа, ты что! – переполошилась Поля. – Ты обещал со мной фейерверки запускать!

– Ладно, ладно, будут тебе твои фейерверки! – засмеялся Алексей.

Нелли пошла переодеваться. Темно-зеленое бархатное платье с искусственной розочкой у плеча, новые туфли... Немного пудры, блеск для губ.

Потом она критично посмотрела на себя в зеркало. Нелли никогда не была красавицей. Но про нее всегда говорили с улыбкой – миленькая. Да, она и сейчас миленькая, несмотря на свои сорок два. Рыжие локоны, веснушки. Единственный недостаток, пожалуй, – вечно встревоженный взгляд. Глядя сейчас на свое отражение, Нелли попыталась придать лицу спокойное, безмятежное выражение.

Поля тем временем, в своей комнате, дрожащими руками набирала на телефоне номер.

– Алло, добрый вечер, с наступающим вас! – безупречно-вежливо произнесла она. – Будьте добры Кирилла.

– Але... – через некоторое время ответил ей спокойный хриловатый голос.

– Кирилл, это Полина.

– Караваева, ты, что ли? – изумился голос. – Чего надо?

– Кирилл, я понимаю, ты на меня обиделся, но я хочу тебе сказать...

– Господи, Караваева, не грузись! Я давно уже забыл, что ты Селиной наврала про меня, будто я с тобой в «Капитане Джеке» целый вечер просидел.

– Кирилл...

– Между прочим, Селина тоже не поверила, что я в такой дыре мог целый вечер убить. Эта фраза несколько озадачила Полю.

– Да? – задумчиво протянула она. – А я, если честно, хотела третьего сама тебя туда пригласить. Там неплохой танцпол...

– Ну, вроде... – одноклассник тоже задумался.

Сердце у Поли билось часто-часто.

– Кирилл...

– Что?

– Знаешь, я давно хотела тебе сказать... – Она замолчала, не в силах продолжить. Потому что позади – целый год безответной любви!

– Ну так говори! – нетерпеливо, с надеждой, воскликнул Кирилл. – Только поскорее, а то папахену телефон нужен...

Но признания не получилось, потому что Поля услышала, что ее зовут, и судорожно бросила трубку на рычаг. И это несмотря на то, что под Новый год она решила развязаться со своей безответной любовью. Или Кирилл Пасечников отвергнет ее – окончательно и бесповоротно, или...

– Поля, мы уже за стол садимся! – сердито снова позвала дочь Нелли.

Алексей уже открывал шампанское.

– Нет, Новый год надо встречать как-то по-другому, – говорил он Герману. – Дома, у телевизора сидеть, – тоска зеленая. В следующий раз поедем в Финляндию. Хельсинки, Турку, Йеллопукки...

– Пап, а что это? – благоговейно спросила Поля, подсаживаясь ближе к отцу.

– Йеллопукки – это Дед Мороз по-фински, – пояснил Алексей. – Подставляй бокал...

– Леша! – протестующе закричала Нелли.

– Да я ей всего один глоток...

– Мне тоже символически, – просипел Герман, с отвращением глядя на пенящееся шампанское.

– Я бы не в Финляндию хотела, а куда-нибудь к морю... – мечтательно произнесла Нелли. – Так надоела эта зима!

– Поедем. Уже скоро, наверное... – успокаивающе произнес Алексей. – Как вам перспектива оказаться в Таиланде?

– О-о!.. – восторженно закатила глаза Поля.

Герман во время разговора внимательно рассматривал вилку. Ему тоже до смерти хотелось побывать в какой-нибудь экзотической стране, но он хорошо знал, что даже родственные благодеяния имеют свои пределы.

В двенадцать они поздравили друг друга. Нелли подарила дочери янтарные серьги, мужу – серебряную папиросницу, а двоюродному брату – заклочку для галстука.

Вскоре Поля с отцом и Германом ушли в ближайший парк пускать фейерверки, и Нелли осталась одна.

Потом позвонила соседка, которая одновременно являлась и подругой, – Ульяна Акулова, дама, которая все и обо всем знала.

– Нелли, голубка, я хочу тебя поздравить с наступившим...

– Уля, да ты заходи, я сейчас одна... Мои все в парк ушли.

Ульяна явилась немедленно, прижимая к груди бутылку шампанского и коробку конфет.

В данный отрезок времени подруга-соседка была одинока – один муж ушел, а следующего она завести еще не успела.

Ульяна стриглась коротко, под известную женщину-политика, носила очки в модной оправе и отличалась необыкновенной худобой, поэтому за глаза Алексей звал соседку так: «Уля Акулова, узница концлагеря».

– Куда, ты говоришь, твои все ушли? – с любопытством спросила Ульяна.

– В парк. Фейерверки запускают.

– А-а... – Уля ловко разлила шампанское по бокалам. – Понятно. В последнее время все так салютами увлеклись – просто беда. Теперь до утра за окном грохотать будет. Ну, с наступившим... Чего тебе пожелать, Нелли?

Нелли задумалась.

– Я и не знаю... – с улыбкой пожала она плечами. – Знаешь, Уля, у меня все есть.

– Ну да... – подруга многозначительно прищурилась за стеклами очков. – Как я могла забыть! Ты ж у нас самая счастливая...

– Ах, Уля, брось!

– Боишься сглазить? Что ж, резонно... Тогда я тебе вот что пожелаю – чтобы ничего в твоей жизни не менялось. Чтобы все оставалось, как есть – на долгие, долгие годы!

– Спасибо... – растрогалась Нелли. – Ну, а тебе тоже всего самого хорошего!

Она не умела говорить красивых слов.

Подруги чокнулись и залпом выпили шампанское.

– Кстати, Германа из больницы выписали, – вспомнила Нелли.

– Приживалу вашего? – хмыкнула соседка.

– Улька, мне его жалко! – негодуя воскликнула Нелли.

– Разбаловали вы его... За чужой счет живет.

– А тебе-то что?

– Так, ничего... – пожала узкими плечами Уля и цапнула из миски листик салата. – А вот муж у тебя – золото.

– Обычный муж... – хитро улыбнулась Нелли.

Она подозревала Улю в том, что та немного влюблена в Алексея. Но ничего, это не страшно... К Уле Акуловой, узнице концлагеря, можно было не ревновать. «Да и вообще, – с нежностью подумала Нелли. – Такой человек, как Лешка, на предательство не способен!»

...В ночном фиолетовом небе вспыхивали разноцветные огни. В воздухе витала пороховая гарь.

В парке было полно людей. Все радостно вопили, когда над черными деревьями взрывался очередной салют.

Поля с Германом, открыв рты, глядели на толстого дядьку в распахнутом полушубке, который волок ворох ракетниц.

– Вот это круто! – прошептала Поля. – Представляю, что сейчас будет!

– Да уж... – неопределенно прошептал ее дядя. В желудке у Германа невыносимо пекло от выпитого глотка шампанского, словно он только что проглотил зажженную петарду.

Алексей, пользуясь случаем, отошел в сторону, под большой деревянный навес, и достал из кармана мобильный телефон. Цветной дисплей, как и фейерверк в новогоднем небе, заиграл разноцветными огнями.

– Алло, Катя...

* * *

Банальная, всем известная история – женатый любовник проводит выходные и праздники с семьей, а любовница в эти дни тоскует в одиночестве...

Катя не тосковала. Она злилась.

Она ужасно злилась на всех и вся. С того самого момента, как вечером, после работы, появилась в доме своей матери. Будь ее воля, она встретила бы этот Новый год только с Алексеем. Вдвоем.

– Мама пришла! – обрадовался Мика.

– Медвежонок мой... – Катя звонко чмокнула сына в светлую макушку. Пожалуй, только на него она пока не злилась. – Что сегодня делал?

– Телевизор смотрел, – послушно сообщил сын.

– Гулял?

– Нет.

– Почему?

– Забыл.

– Ну как это забыл... – моментально раздражаясь, произнесла Катя. – Вон ты какой бледный! А бабушка не могла тебе напомнить?

– Бабушке некогда, – Мика снова сел у телевизора, стал нажимать на кнопки пульта, переключая программы. – И тете Нине, и тете Даше тоже. И бабе Лизе.

– Понятно...

Вся женская часть Катиной родни целый день пропадала на кухне.

Катя пошла к ним.

– О, помощь подоспела! – обрадовалась Алевтина Викторовна. – Ну-ка, Катюш, почисть картошку...

На кухне стоял дым коромыслом – резались салаты, пеклись пироги, что-то варилось на плите в больших кастрюлях, пахло ванилью, корицей и лавровым листом. Но эти мирные домашние запахи не вызвали у Кати никакого энтузиазма.

– Не буду я ничего чистить! – злорадно сообщила она. – Пропади она пропадом, ваша картошка... Я все равно ее есть не буду!

– Ну и характер... – вздохнула тетя Даша, с сожалением посмотрев на племянницу. – Алька, она у тебя совсем озверела. С каждым годом все хуже и хуже. Скоро на людей начнет бросаться.

– Это точно! – печально согласилась с ней тетя Нина. Все три сестры, с волосами, намоченными на бигуди, и в фартуках, одинаково круглые, производили комичное впечатление.

Катя не выдержала и захохотала.

– Ну вот, теперь она смеется... Точно, не в себе, – в один голос произнесли тетя Нина и тетя Даша.

Баба Лиза, не обращая ни на кого внимания, скалкой раскатывала тесто на широкой доске.

– Кажется, сдобы маловато... – сумрачно проворчала она. – Нинка, принеси еще яиц!

«И это моя семья! – с досадой подумала Катя, садясь в углу кухни на высокий табурет. – Какие-то питекантропы!»

– У нас холодец есть! – вдруг вспомнила Алевтина Викторовна и распахнула перед дочерью холодильник. – Красивый, да? Между прочим, без всякого желатина схватился.

– Кругом одна химия, – снова подала голос баба Лиза, с ловкостью фокусника сворачивая своими морщинистыми негнушимися пальцами замысловатые кренделя из теста. – Раньше желатин был натуральный, а теперь, поди, его из старых покрышек гонят...

– Вот именно! – опять засмеялась Катя.

– Твой-то где? – бесцеремонно поинтересовалась старуха.

– Кто? – тут же переключившись, спросила Катя холодно, хотя прекрасно поняла, о ком идет речь.

– Ну, этот твой... забыла, как по имени.

– Алексей, – шелковым голосом подсказала тетя Нина.

– Он самый!

– Он занят, – лаконично ответила Катя.

– Ясное дело... – вздохнула тетя Даша, которая в данный момент сооружала многослойную цветную конструкцию под названием «селедка под шубой».

В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь стуком ножа и бульканьем в кастрюлях.

– Все это грех, – наконец прокричала баба Лиза.

– Уж кто бы говорил! – немедленно откликнулась Катя. – Сама рассказывала, как в пятьдесят втором у какой-то Люськи мужа отбила.

– Грех! – с удовольствием повторила старуха. – Дашуня, засунь противень в духовку, я сама не могу – руки уж не те...

– Как я – так Нинка, а как она – так Дашуня! – завопила тетя Нина.

– Грех! И мой грех, и твой тоже... – продолжила начатый разговор баба Лиза.

– Мама, будет вам! – укоризненно произнесла Алевтина Викторовна, а потом обернулась к дочери: – Вот что, Катенька... Грех это или не грех – я не знаю. Но дело тут в другом – ведь твой Алексей жену не бросит. Жену и ребенка...

– Он сказал, что как только Полина станет совершеннолетней, он уйдет от них, – стальным голосом ответила Катя.

– Как же! – в один голос воскликнули тетки.

– Мужчине нельзя верить, – сурово произнесла тетя Нина.

– Мало ли что он тебе обещал... – продолжила тетя Даша.

– Омманет! – жестом библейского пророка подняла скрюченный, весь в муке, палец баба Лиза.

Катя пробормотала нечто невразумительное (раздражение буквально душило ее) и выскочила из кухни.

Мика в большой комнате упорно смотрел телевизор.

– Михаил, хоть бы почитал что-нибудь, – сурово произнесла Катя.

– Мама, так каникулы же! – вздрогнув, жалобно возразил сын. – И вообще, сегодня Новый год! Можно, я сегодня не буду ничего читать?

Не ответив, Катя прошла в комнату бабы Лизы и там упала на узкий жесткий диван. «Господи, как мне все надоело!» – подумала она и закрыла глаза...

Зимний лес, тропинка между елей, солнце золотит снег... Она была так счастлива с Алексеем! И ее совершенно не волновало, что у него есть семья. Потому что лишь ее, Катю, он любил.

...Однажды, два года назад, Катя видела Нелли. Они тогда только начали встречаться с Алексеем. Начало безумной страсти... Сидели в кафе, у стеклянной стены, за которой бурлила уличная жизнь, пили вино, смеялись. Потом подошел какой-то знакомый Алексея.

– Кто это, Леша? Познакомь меня с твоей красавицей-дамой!

– Отстань, Петренко! – полушутя-полусерьезно возмутился Алексей. – Катя – мечта всей моей жизни! Я не собираюсь знакомить с ее таким прожженным сластолюбцем, как ты!

– Караваев, ты украл чужую мечту! Катя, гоните его к черту, я хоть сейчас готов на вас жениться!

А Катя смеялась... Ей было приятно мужское внимание.

Петренко сел с ними, начал о чем-то рассказывать. Потом вдруг осекся:

– Леша, ахтунг! Там, на улице, стоит твоя вторая половина!

Катя даже не сразу поняла, что это он о Нелли, жене Алексея.

За стеклом стояла миловидная рыжеволосая женщина в зеленом пальто и с тревожным удивлением вглядывалась внутрь кафе. Потом решительно направилась к дверям.

– Петренко, ты с Катей... – быстро произнес Алексей, передвинув тому свой бокал с недопитым вином. – А я только что пришел!

– Леша, а я иду и вдруг смотрю – ты! – сказала рыжеволосая женщина, приблизившись к их столику. – Что ты тут делаешь?

Вблизи стало видно, что у Нелли все лицо усыпано веснушками. Катя, стараясь не улыбаться, опустила глаза вниз.

– А я тоже иду и вдруг вижу – Петренко с девушкой! – весело произнес Алексей. – Решил присоединиться...

– Нелли, это Катя! – подхватил Петренко. – Вот, хочу жениться... Одобряешь?

– Одобряю! Но, Катя, вы ему спуску не давайте! – засмеялась Нелли, но в ее зеленоватых глазах застыло тревожное беспокойство.

«Вероятно, это привычное состояние Нелли. Типичная домохозяйка!» – подумала Катя.

Петренко, пользуясь случаем, прижал к губам Катину руку. Позже Алексей пилил друга за излишнюю фамильярность.

– Но должна была Нелли поверить, что Катя – моя девушка, а не твоя! – нахально оправдывался Петренко.

Еще не раз верный Петренко выручал их, и, оправдывая свое отсутствие дома, Алексей привычно кивал в его сторону. Был с другом – вот самое простое объяснение...

Диван бабы Лизы пах лавандой и скипидаром. Катя повернулась на другой бок и попыталась заснуть. За окном было уже темно.

Внезапный телефонный звонок заставил ее подскочить. Она так хотела снова услышать голос любимого! Но это был вовсе не Алексей.

– Алло, Катюша? Я так и думал, что ты здесь, – произнес кроткий голос. – Ведь только в кругу близких, родных людей принято встречать этот праздник...

– Толик, ты... – разочарованно произнесла Катя. Звонил бывший муж, Толик Лаэртв. Филолог, знаток западноевропейской литературы, специализирующийся на древнеисландских сагах.

– Катюша, я не решился звонить позже – мало ли что, и поэтому решил поздравить тебя с наступающим праздником заранее...

«Мало ли что» – это было любимое выражение Толика. Его воображение, подпитываемое мрачными сюжетами древних саг, постоянно рисовало всевозможные сложности, неприятности и неожиданности, которые могли возникнуть на жизненном пути.

Мало ли что... Поэтому Толик с марта по декабрь таскал с собой зонтик. Бывает, что люди умирают от воспаления легких, попав под обычный дождь!

Покупать шаурму с лотков, даже если умираешь от голода, – небезопасно. Известны случаи, когда люди гибли от пищевого отравления!

Толик никогда не открывал дверь посторонним, предварительно не убедившись, что они не преступники и не злодеи. «Бросьте в почтовый ящик!» – кричал он в замочную скважину, когда почтальон приносила телеграмму.

Он звонил предварительно в ДЭЗ и выяснял приметы сантехника, который должен прийти, чтобы починить сливной бачок в туалете. Мало ли что!

Нет, в нынешнее сложное и полное опасностей время поведение Толика было абсолютно оправданно, и первое время после свадьбы Катя представляла всем своего мужа как человека весьма здравомыслящего и серьезного. Но она сломалась после того, как Толик, уронив градусник, принялся вызывать службу спасения и стал требовать полной демеркуризации всей квартиры. Мало ли что! Крошечная капелька ртути, забившаяся между половиц, грозила смертью всему живому...

Впрочем, была еще Вера Петровна...

Катина свекровь была женщиной неплохой, но она слишком любила своего сына – до такой степени, что все женщины, которые проявляли хоть какой-то интерес к Толику, казались ей исчадиями ада. Катя для Веры Петровны стала кровным врагом.

Именно после Толика и Веры Петровны Катя дала себе слово, что ее сын Мика никогда не станет маменькиным сыночком. Хватит. Навидались уже, к чему приводит чрезмерная опека...

– А что может быть? – вздохнула Катя. – Мои тетки лягут спать, не дожидаясь заветного боя курантов, и твой поздний звонок вызовет у них законное возмущение? Кого ты боишься побеспокоить в новогоднюю ночь? Толик, что ты, даже Мика собирается не ложиться до утра!

– Ты права, – печально согласился бывший муж. – Но все равно... Послушай, Катюша, как у тебя дела? Все в порядке?

– Абсолютно. – Лежа на диване с телефонной трубкой, Катя уставилась на тусклый ночник, висевший на стене. С Толиком они сумели расстаться друзьями. Он звонил время от времени, поздравлял ее со всевозможными датами – который уже год. Словно долг какой-то исполнял.

– Передай привет Мишеньке, – продолжил Толик, и голос его предательски задрожал. – Как он, вспоминает меня хоть иногда?

– Иногда, – соврала Катя.

– Бабушка жива еще?

– Слава богу. Пирог сегодня пекла. С тетками тоже все в порядке.

– А Алевтина Викторовна? – с глубочайшим почтением произнес Толик.

– Неплохо. Правда, на позапрошлой неделе у нее давление подскочило, пришлось доктора вызывать.

– И что сказал доктор? – ужаснулся бывший муж.

– Сказал, что это от чрезмерного переедания. И еще от того, что на солнце магнитные бури, – прилежно доложила Катя. – А ты чем занимаешься, Лаэртс?

– Я? – еще не вполне оправившись от столь драматичного известия о своей бывшей теще, неуверенно пробормотал Толик. – Я... Ах да, Катенька, можешь меня поздравить – я теперь профессор. Защитил докторскую в ноябре.

– Лаэртс! – обрадовалась Катя. – Я тебя поздравляю! Профессор! Это же так круто!

– Ну, в общем... – смущенно закашлялся Толик. – Да, это действительно, как ты выразилась... круто. Мне тридцать девять, и я самый молодой профессор у нас на кафедре.

– Господи, Лаэртс... Я так счастлива за тебя! И какова была тема твоей диссертации?

– «Влияние климата древней Исландии на психоэмоциональный настрой человека. Депрессивно-агрессивное развитие сюжета Старшей и Младшей Эдды как образец угнетенного сознания».

– Изумительно! – искренне восхитилась Катя, с трудом припоминая, что такое эти самые Эдды. – Ты, наверное, с блеском справился с темой!

– Стараемся... – довольно пыхтя, пробормотал Толик. – Хотя пришлось залезть в пограничные дисциплины – психологию, например. Но что ты хочешь, Исландия... Холодное море, отвесные скалы, часто хмурое небо. Суровые люди, суровая жизнь, суровая мораль. «Как мрачные тени осени проносятся над холмами, покрытыми травой, так угрюмы, мрачны, быстры, один за другим, проходят вожжи лесов...» – нараспев продекламировал он. – Даже боги древних исландцев злы, коварны, часто уродливы...

– Послушай, Лаэртс, – перебила его Катя, думая совершенно о другом.

– Что, Катюша?

– Если бы я до сих пор была твоей женой, так я что, называлась бы теперь профессоршей? – с любопытством спросила Катя, пытаясь устроиться поудобнее. Все-таки диван бабы Лизы был немилосердно тверд... Теперь понятно, отчего у старухи такой суровый характер.

– Именно, Катюша! – счастливо засмеялся Толик. – Ты была бы профессоршей.

Они болтали и смеялись – почти как в стародавние времена, когда еще не успел разбиться градусник, но в этот момент раздался звонок в дверь.

– Лаэртов, мне некогда! – всполошилась Катя. – Наверное, дядя Митя пришел. Все, целую тебя и обнимаю...

В прихожей уже стояла толпа. Женская часть родни бросила все свои дела на кухне и бросилась встречать дядю Митю.

Это и в самом деле был Дмитрий Родионович Быков в сопровождении своей законной супруги Леониды Станиславовны.

– Митенька... – расталкивая всех локтями, вырвалась вперед баба Лиза, судорожно поправляя на голове новый атласный платок, который то и дело сползал у нее с затылка на шею, так что на всеобщее обозрение выставлялся замысловатый пучок из редких, какого-то пегого оттенка волос. Формой пучок сильно напоминал фигу. – Сыночек мой родненький!

Баба Лиза, как уже было сказано, обожала своего младшего сына.

– Мамаша... – растрогался тот и прижал старушку к себе. На дяде Мите были защитного цвета брюки и такая же куртка. Когда-то он служил, но теперь вышел в отставку и работал вохровцем на проходной мебельной фабрики.

– А вот и сестренки мои... – Дядя Митя по очереди обнял Алевтину Викторовну, тетю Нину и тетю Дашу. Потом дошла очередь до Кати и затем – до Мики. Дядя Митя, как и всякий служилый человек, строго соблюдал субординацию.

Леонида Станиславовна кисло, с какой-то укоризной глядела на всех сквозь стекла очков в золотой оправе. Она работала в архиве и была чрезвычайно молчалива, словно дала клятву никому и никогда не выдавать государственной тайны, и потому старалась не раскрывать лишнего раз рот. Они с дядей Митей составляли странный контраст – насколько тот был весел, жизнерадостен и прямолинеен, настолько она была закрыта.

Далее вечер потек по привычному сценарию – ломящийся от всевозможных яств стол, дежурное шампанское, от которого в воздухе пахло дрожжами, и водка для дяди Мити – ничего иного он не признавал, будучи человеком твердых принципов.

Все внимательно, с жадностью выслушали поздравление президента. Чокнулись бокалами.

– Дай-то бог, дай-то бог... – суеверно закрестилась баба Лиза. – Чтобы, значит, процветали все... Митенька, ты слышал, повысят нам пенсию или нет?

– Повысят, мамаша, повысят! – хрустя огурцами домашнего засола, излучал оптимизм тот.

– Ребенок худющий, бледный, не ест совсем ничего... – скорбно вздохнула Алевтина Викторовна, глядя на внука.

Мика и в самом деле был равнодушен к селедке под шубой, оливье и лоснящейся от жира свиной нарезке. Холодец же он просто ненавидел. Если что и интересовало его за праздничным столом, так это сладкие кренделя прабабки.

– Неправда! – возмутился Мика. – Я вот чего ем...

Он сунул под нос Алевтине Викторовне наполовину обгрызенный крендель, а потом повернулся к бабе Лизе и произнес с благодарностью:

– Баб Лиз, очень вкусно! Спасибо тебе!

– Ешь, милый, ешь... – та рассеянно погладила правнука по волосам шершавой старческой ладонью. Бабу Лизу в данный момент интересовал только сынок Митенька.

– А вот, Леонидочка, давно хотела тебя спросить... – туманно, издалека начала она. – Как ты там по хозяйству-то справляешься? Поди, тяжело... Я, так думаю, тебе помощь пригодилась бы?

Баба Лиза мечтала жить с обожаемым сыном.

Леонида Станиславовна неопределенно пожала плечами.

– Мамаша, да не нуждаемся мы ни в какой помощи! – с досадой воскликнул дядя Митя. – Вы тут нужнее! Аль, Нин, Даш, скажите же ей!

Катя сосредоточенно чистила апельсин.

– Катенька, попробуй вот языка отварного, с хреном... – сунулась к ней Алевтина Викторовна.

– Не буду.

Настроение у Кати было скверное, она мечтала только об одном – чтобы Алексей наконец позвонил ей.

Тетя Даша и тетя Нина вдохновенно поглощали кулинарные шедевры собственного изготовления. Это была их ночь, их звездный час – в Новый год можно было объедаться с чистой совестью. Так полагалось.

– Позавчера голова болела, – в перерыве между закусками и горячим сообщила тетя Даша тете Нине.

– А у меня сердце ныло – аж вздохнуть было трудно... – подхватила та.

– Магнитная буря опять бушевала, – с видом знатока вступила в разговор Алевтина Викторовна. – Леонида Станиславовна, а у вас никаких проблем со здоровьем нет?

Леонида Станиславовна пожала плечами.

– Нет у нее никаких проблем! – радостно захохотал дядя Митя. – Ее в космос отправлять можно. Чего Леонидочке болеть – у нее муж есть! Она при мне ни в каких лекарствах не нуждается!

Тетя Даша и тетя Нина стыдливо потупили глаза. Они никогда замужем не были. Две старые девы.

– Все от нервов, – стараясь поддержать сестер, холодно произнесла Алевтина Викторовна. – Если нервы в порядке, то и доктора не нужны.

– Вот именно! – сразу оживились тетки.

Тетя Нина продолжила:

– В ноябре мы с Дашенькой к психотерапевту ходили. Сеансы релаксации... Знаете, помогло на какое-то время.

– Изумительный доктор! – умилившись от воспоминаний, пропела тетя Даша. – Просто чудо. «Сначала расслабляются ваши руки, начиная от кончиков пальцев, затем постепенно расслабляются ноги... тело легкое, невесомое, мышцы лица спокойны... Лениво-дремотное состояние постепенно окутывает вас...» И музыка при этом играет такая особенная, на тему природы...

– Шум моря, пение птиц, – пояснила тетя Нина.

– Пожалуй, я бы тоже к вашему психотерапевту сходила, – задумчиво произнесла Алевтина Викторовна. – У меня, между прочим, бессонница началась. И такие кошмары иногда снятся!

– Какие, ба? – с живым любопытством спросил Мика. – Расскажи, пожалуйста!

– Как-нибудь потом... – сконфузилась Алевтина Викторовна. – Кстати, мне кажется, Катеньке тоже бы не мешало посетить эти сеансы.

– Мама, отстань, – мрачно буркнула Катя.

– Тебе тоже кошмары снятся? – округлил Мика светло-серые глаза.

– Мика, и ты тоже от меня отстань...

Дядя Митя пил водку и становился все более жизнерадостным.

Сын Мика переключал программы, не останавливаясь ни на одном канале.

– Все какое-то одинаковое, – через некоторое время с разочарованием произнес он. – Хоть бы мультики показали, что ли...

Телефон в Катином кармане зазвонил, когда она была на пике меланхолии. Вскочила из-за стола в коридор.

– Алло, Катя... – раздался в трубке долгожданный голос.

– Лешка, милый! – Она так обрадовалась, что с трудом сдержала слезы.

– Я так соскучился... – тихо произнес он.

– А я так просто умираю... Я тебя ужасно люблю!

– Катя... – счастливо засмеялся он. – Я тебя тоже люблю! Встретимся послезавтра? Петренко уезжает к матери, в какую-то тмутаракань, оставляет мне ключи от своей квартиры...

– Зачем? Можно у меня... Мика все равно сейчас здесь, у бабушек.

– Нет, я хочу потом поработать над документами. Ты же знаешь, я это могу делать только в полном одиночестве.

– Ладно, давай у Петренко! – покорно согласилась Катя. – Слушай, что у вас там грохочет?

– Я в парке, с дочерью... Смотрим салют.

– Леша, милый...

Она сидела в коридоре, возле вешалки, где висели ряды шуб, возле дяди-Митиных сапог, от которых крепко несло гуталином, и не замечала ничего вокруг, словно находилась не в родительской квартире, а где-то далеко-далеко...

Через полчаса, когда она вернулась обратно в комнату, Мика уже дремал, положив голову на стол. Все его обещания не спать до утра были преданы забвению.

– Мика, идем...

– Мама, еще чуть-чуть!

– Нет, ты уже носом клюешь... Нельзя так издеваться над своим организмом. – Катя была непреклонна.

Кое-как умывшись, сын бухнулся на раскладушку в комнате бабы Лизы.

Снова зазвонил телефон.

– Катька, ты что делаешь? – оживленно спросила подруга Фаина. – Приходи сейчас ко мне... Я и Зойку позвала!

Катя долго не раздумывала.

– Ладно, минут через двадцать буду.

Она снова зашла к сыну.

Тускло горел ночник. Баба Лиза, в своем атласном платке, мирно похрапывала на диване, скрестив руки на груди.

Катя поправила одеяло у сына.

– Мама, мама... – невнятно забормотал он сквозь сон. – Пожалуйста, не буди меня... Мне снится такой чудесный сон! Там кенгуру... и вот этот кенгуру... – Он не договорил, что в его сне приключилось с кенгуру, и зевнул, снова погрузившись в сон.

Катя поцеловала его в щеку и ушла.

На улице было светло от фонарей и от фейерверков, которые вспыхивали на соседней улице. Стояла легкая, почти невесомая морозная ночь...

Фаина Маркос, лучшая подруга, жила совсем недалеко, и Катя даже пожалела, что дорога оказалась такой короткой.

У подъезда она столкнулась с другой своей подругой – Зоей Личутиной.

Зоя была ровно на голову ниже Кати – очень маленькая и пухленькая. С пушистыми золотыми волосами, которые не слушались ни одной расчески и золотым ореолом окружали Зоино розовое личико. Зоя напоминала только что вылупившегося цыпленка, и ее наспех наброшенная шубка рыжевато-золотистого цвета только усиливала это впечатление.

– Катя! – восторженно завопила она. – Слушай, это такая ночь, такая ночь... Правда, здорово, что Фаина решила позвать нас в гости?

– Ага... Я уже умирала дома от тоски! – согласилась Катя.

Фаина встретила их на пороге своей квартиры в фиолетовом длинном платье, с подведенными до висков глазами. Фаина была тонкой, с черными, до плеч, волосами, огромными глазами и несколько длинноватым носом, которого, впрочем, она ничуть не стеснялась, а ско-

рее даже наоборот. Она утверждала, что этот нос добавляет ее облику необходимую пикантность. Предки Фаины были откуда-то из Греции.

– Девочки, наконец-то... – Она сердечно обняла подруг.

Из глубин квартиры появился муж Фаины Глеб – очень солидный бородатый мужчина. Он любезно помог раздеться Кате и Зое, выпил с ними по бокалу шампанского, сказал пару дежурных фраз, а потом деликатно исчез, сославшись на усталость.

– Потрясающий у тебя муж... – прошептала Зоя, когда дверь за Глебом закрылась. – Такой вежливый, такой... Ах, ну я даже не знаю, какой!

Они сидели за круглым столом, мерцали свечи, поднимались пузырьки в бокалах с шампанским. Шампанское было настоящим и не отдавало дрожжами. А бокалы были из настоящего богемского хрусталя.

– Воспитывать надо уметь, – веско произнесла Фаина. – Потрясающие мужья – результат долгой и упорной работы их жен.

– Разве? – удивилась Зоя. – В таком случае я никудышный педагог.

Зоя была не слишком счастлива – год назад она рассталась со своим мужем. Семен Личутин был вздорным, нервным человеком, рядом с которым любой начинал чувствовать себя неуютно. Катя не представляла, как Зоя могла столь долго (почти семь лет!) терпеть его.

– Ты не виновата, – веско произнесла Фаина и потрепала Зою по пушистой шевелюре. – Таких, как твой Личутин, перевоспитать нельзя. Я бы расстреливала зануд!

Тон Фаины был безапелляционен. В конце концов, она имела право так говорить – поскольку работала в одном известном центре сексопатологом и была кандидатом медицинских наук.

– Что ты! – испуганно ахнула Зоя.

– Ты слишком добра, Зойка... – вздохнула Катя. – И ты достойна лучшего. Я, конечно, тоже не раз в своей жизни ошибалась, но я старалась как можно скорее исправить свои ошибки. Взять, например, Лаэртова...

– Лаэртов – жертва эдипова комплекса, – усмехнулась Фаина.

– Эдип тут ни при чем, – с досадой отмахнулась Катя. – Не умничай, Фаина... Он жертва своей матери!

– А твой Алексей? – в свою очередь, с любопытством спросила Зоя.

– Алеша – чудо. У него единственный недостаток – это его жена.

– Ты ненавидишь ее? – нацелила на Катю профессиональный взгляд Фаина.

– Нет, – подумав, ответила та. – Но она... она типичная домохозяйка – вечно суетится, взгляд какой-то затравленный... Впрочем, я видела ее всего один раз, – прервала себя Катя.

– Ты же говорила, что она работает?

– Да, Нелли работает. Но она все равно выглядит как домохозяйка. У нее прическа, как в тридцатые годы... забыла, как называется.

– Перманент?

– Да, точно!

– Хотела бы я пообщаться с этой Нелли, – сказала задумчиво Фаина. – Ну, и с твоим Алексеем тоже. С профессиональной точки зрения...

Подруги, сидя за столом при свечах, тихо обсуждали своих мужей, любовников и их жен, словно не было темы интересней.

– Недавно читала одно исследование, – вдруг вспомнила Фаина, – так в нем, девочки, исследуется механизм любви с научной точки зрения. И знаете, что получается? Оказывается, влюбленность вызывает изменение уровня тестостерона. А тестостерон, между прочим, половой гормон, отвечающий за темперамент и агрессию. У женщин он в этот период возрастает, а у мужчин снижается, что очень сближает любящих. Но через два года уровень гормона любви приходит в норму! И начинаются всякие недоразумения...

– Что ж, тогда многое понятно, – вздохнула Зоя. – Да, кстати, забыла вам сказать – в последнее время кто-то мне постоянно звонит.

– Кто? – спросила Катя.

– Я не знаю! Он звонит и молчит.

– Это по твоей части, Фаина. Извращенец какой-нибудь, – повернулась Катя к Фаине.

– Нет, вы понимаете... – оживленно продолжила Зоя. – На извращенца не похоже – он позвонит, молчит, а услышит мой голос и вешает трубку. Как будто кто-то хочет убедиться, что я дома!

– Странно... – пожала плечами Катя. – Но ты ведь практически всегда дома?

– Ну да!

Зоя работала иллюстратором детской книги, и ей не обязательно было каждый день покидать пределы своей квартиры.

– Купи телефон с определителем номера, – посоветовала Фаина. – Мне кажется, твоя история вовсе не по моей части. Твоему загадочному незнакомцу нужна, скорее всего, помощь психиатра.

– А может, это не он, а она! – с азартом воскликнула Катя.

– Может... – пожала плечами Фаина.

– Психиатра? – побледнела Зоя. – Вы что, хотите сказать, будто меня маньяк какой-то преследует?

– Зойка, прежде чем вообразать всякие ужасы, купи телефон с определителем номера!

Подруги разом замолчали, глядя на мерцающий огонь свечей. Нежно пахло хвоей – в углу уютной комнаты стояла крошечная елка, без всяких игрушек – лишь несколько серебряных нитей мишуры, напоминающих иней. Фаина была эстеткой и не терпела банальностей.

– Какая-то тайна... – прошептала Зоя. – Как я боюсь всего неизвестного!

– Я тоже, – пробормотала Катя.

– Да, кстати... – вдруг встрепенулась Фаина. – Я тут беседовала с одной клиенткой – у нее кое-какие проблемы... впрочем, это неважно. Так вот, она упомянула в разговоре, что строит дом в Подмосковье, и одним из разработчиков проекта является... Знаете, кто?

Сердце у Кати трепыхнулось и замерло.

– Кто? – быстро спросила она.

– Григорий Ганин!

Это имя произвело эффект разорвавшейся бомбы.

– Не может быть! – ахнула Зоя и зажала рот руками.

– Га-нин... – повторила Катя машинально. – Григорий Ганин...

Она словно пробовала это имя на вкус. Полузабытое имя из прошлого. Прошлого, которое тем не менее не забыть до самой смерти. Григорий Ганин... Горький вкус первой любви...

– Представьте себе! – торжественно кивнула Фаина. – Это он. Григорий Ганин, архитектор.

– Мамочки... – Зоя едва не заплакала, глядя на Катю.

– Да что вы тут раскудахтались! – не выдержав, завопила та, нарушая обаяние прозрачной, сказочной ночи. – Это не он! Просто какой-то другой человек! Однофамилец!

– Но, Катенька, архитектор же... – попыталась возразить Фаина.

– Он мог снова вернуться в Москву... – пролепетала Зоя.

– Да мало ли других Ганиных! Сколько людей окончили этот самый институт, как его там... а, МАРХИ, – не дала им договорить Катя. Сложная аббревиатура вспомнилась ей не сразу – Московский архитектурный институт.

– Тихо, тихо... – успокоительно похлопала ладонью по столу Фаина. – А то Глеб сейчас прибежит...

– Вот что, – немного успокоившись, решительно произнесла Катя. – Никогда не напоминайте мне об этом человеке. Говорите о чем угодно, только не о нем. Григорий Ганин... Нет, это вовсе не он. *Том* Григорий далеко отсюда. Очень далеко. И он никогда не вернется.

Фаина с Зоей переглянулись.

– Хорошо, – решительно произнесла Фаина.

– Давайте лучше поговорим об искусстве! – чересчур оживленно воскликнула Зоя. – О кино, например. Я без ума от Евгения Миронова! Как он замечательно сыграл князя Мышкина...

– Юрий Яковлев был лучше, – строго возразила Фаина.

– Да ты что! – У Зои даже перехватило дыхание от обиды за своего любимого актера. – Женечка – гений, гений, гений!

...Катя ушла домой утром, когда наступил рассвет. Зоя осталась ночевать у Фаины.

Весь город замер – ни людей, ни машин. Обрывки гирлянд и конфетти лежали на спрессованном, почерневшем от пороха снегу.

Кате было немного грустно – как всегда на следующий день после праздника. Но к этой светлой, лирической печали вдруг прибавилась тревожная нотка.

Дело было в нем, в Григории.

«Если он и вправду снова здесь, в Москве, то теперь я должна уехать отсюда, – усмехнувшись, подумала Катя. – С этим человеком невозможно жить в одном городе, невозможно дышать одним и тем же воздухом!»

Здесь надо заметить, что господин Ганин никогда не был ей врагом. И никогда не делал того, что можно было бы считать недопустимым и недостойным мужчины. Даже более того – он по-своему любил Катю. И ведь Катя любила его!

Только очень недолго.

До того самого момента, когда они поняли, что не могут находиться рядом. Слишком разные они были. Люди из разных миров. Под конец они только и делали, что ссорились. Поводом для ссор становилась любая мелочь. И расстались они из-за какого-то пустяка – Катя даже не помнила, что послужило поводом для их разрыва! То ли он перепутал время их очередного свидания, то ли она в свойственной ей манере упрекнула его в чем-то... наверное, в эгоизме.

Григорий Ганин был эгоистом.

Худший мужской тип. Пожалуй, Катя бы поспорила теперь со своими подругами, что неприятнее – эгоист или зануда...

Он тогда окончил архитектурный. Молодой специалист без копейки денег. Времена были не самые лучшие для страны – середина девяностых. О том, что он хочет уехать, Катя узнала в последний момент – Ганин никогда не рассказывал ей, о чем думает и чего хочет от жизни. Впрочем, уже тогда их отношения были на грани войны.

– Катя, я уезжаю, – сказал он официальным тоном.

– Ну и что? Мне плевать, – она моментально ожесточилась.

– Нет, я все-таки решил поставить тебя в известность. Давай останемся друзьями. Может, когда и удастся свидеться еще раз... Пожелай мне удачи.

– Удачи тебе... – холодно произнесла она. – Но я не думаю, Ганин, что мы когда-нибудь еще встретимся. Ты мне надоел.

– Это ты мне надоела! – взорвался он. – Глупая кукла! Да провались ты пропадом!..

– Сам ты провались! Зайка-заянка!..

Вот такой содержательный у них тогда получился диалог – кстати, вполне типичный для последнего времени их уже *нелюбви*.

Наверное, Катя смогла бы его быстро забыть.

Наверное.

Если бы не Мика.

* * *

Квартира Петренко находилась в добротном старом доме, рядом с Рождественским бульваром. Катя уже бывала здесь несколько раз...

Она вышла из такси и, скользя на обледенелом тротуаре, свернула в тихий, засыпанный снегом дворик. Стоя уже за чугунной оградой, она оглянулась, проверяя, не следит ли кто за ней. Лишь несколько замерзших, равнодушных ко всему прохожих мелькнули мимо, даже не посмотрев в ее сторону.

Катина осторожность была совершенно ни к чему, она знала – со слов Алексея и по собственным ощущениям, – что Нелли не подозревает о существовании соперницы. Тот никогда не давал жене повода, в их семейной жизни было все тихо-мирно.

Но Кате было приятно осознавать, что ее роман не совсем законен. Этот острый и сладкий вкус запретной любви, на грани безнадежности...

Она зашла в полутемный огромный подъезд и пешком поднялась на второй этаж. Надавила на кнопку звонка.

Алексей был уже здесь.

– Катка! – радостно закричал он, распахнув дверь. – А я тебя жду, жду... Ты чего так долго?

– Между прочим, я вовремя, – она мельком взглянула на наручные часы. – И вообще, Лешка, – потише!

– Почему? – Он закрыл за ее спиной дверь, помог снять шубку.

– Ну, мало ли что...

– Глупенькая! – Он принялся целовать ее холодные щеки. – Никто не узнает.

– Все равно... А вдруг в этом доме живет какая-нибудь знакомая твоей Нелли, которая донесет на нас?

– Да нет тут никаких знакомых! – засмеялся он и, сев на корточки, стащил с Кати ее высокие итальянские сапожки.

– Ты уверен? – строго произнесла она.

Они прошли в комнату.

Сумрачный январский свет...

Квартира Петренко представляла собой типичное жилище холостяка – минимум вещей и устойчивый беспорядок. Впрочем, неудобной она не казалась, и те вещи, которые составляли интерьер комнаты, были подобраны со вкусом и стоили недешево. Легкая пластиковая мебель, спрятанные за панелями светильники, огромный экран плазменного телевизора...

Катя села у стены, прямо на пушистый ковер, перелистнула несколько страниц журнала, валявшегося рядом. Обнаженные загорелые красотишки в томных позах... Впрочем, чего еще можно ждать от Петренко!

Алексей сел рядом по-турецки, протянул Кате бокал красного вина.

– За нас... – Они чокнулись.

– Я тебе вот что хочу сказать, – отпив глоток, он отставил бокал в сторону. – Нелли никогда ни о чем не узнает. Пока я сам, прямым текстом, не расскажу ей обо всем.

– А ты расскажешь? – прищурилась Катя.

– Да. Когда Поле исполнится восемнадцать. Как мы уже с тобой решили, – твердо произнес он.

– Лешка... – Катя, тоже отставив бокал, легла ему на колени. – Ты такой благородный! Он наклонился и поцеловал ее.

Глядя на него снизу вверх, Катя провела ладонью по его щеке. Идеально выбритая кожа. Ни морщин, ни мешков под глазами. Алексею был сорок один, но выглядел он гораздо моложе. Особенно сейчас – в джинсах и тонком свитере.

Они с ним были парой – все, кто видел их со стороны, говорили так.

– Ты мне нравишься... – прошептала она. – Еще ни один мужчина не производил на меня подобного впечатления. Знаешь, недавно болтали с Зойкой и Фаиной, и я им сказала, что не нахожу в тебе никаких недостатков.

– Правда? – засмеялся он.

– Ага...

Он поцеловал ее, прижав к себе.

– Моя девочка... – с нежностью пробормотал он. – Какое счастье, что я встретил тебя... Знаешь, моя жизнь не имела бы смысла, если бы я не встретил тебя. Ты – как свет! Ты – свежий ветер, я без тебя задохнусь в этом городе!

– Боже, какие красивые слова... – Она тоже засмеялась.

Они прикасались друг к другу и шептали полные восхищения слова. У Кати все дрожало внутри от какого-то безумного, абсолютного счастья, и не было ничего такого, что могло бы заставить ее сомневаться – в собственных чувствах или чувствах Алексея. Лишь одна любовь. Это были те самые драгоценные мгновения, когда она забывала обо всем и видела перед собой только глаза своего возлюбленного, в которых отражалась она сама...

Катя локтем нечаянно толкнула свой бокал, который стоял неподалеку, и тот опрокинулся. Красное вино мгновенно впиталось в светлый ковровый ворс.

– Ну надо же... – с досадой пробормотала Катя, возвращаясь в реальность. – Петренко нас убьет!

– Все в порядке... – Алексей снова повернул ее лицо к себе. – Ничего страшного.

И он заставил ее забыть о пролившемся вине.

Хмурый январский день плавно перетекал в сумерки. И не было уже ни его, ни ее – было только одно целое. Словно души их сплелись, срослись намертво. И унеслись в вечность...

Потом они сидели на кухне и пили крепкий кофе, который сварил Алексей. Некоторые вещи он делал гораздо лучше Кати.

– Когда мы поженимся, ты мне каждое утро будешь приносить кофе в постель, – сказала она, лениво потягиваясь в плетеном кресле.

– О, вот какая меня ждет перспектива! – усмехнулся он, разливая кофе из джезвы в чашки. – Прошу...

– Спасибо. Значит, ты не в восторге от нее?

– Господи, Катя... – Алексей сел рядом, прижал ее голову к своему плечу. – Я тебя люблю!

– Знаешь, я не понимаю себя иногда, – призналась она. – Вроде бы все хорошо – кажется, будто я самая счастливая женщина на земле. А потом становится страшно: а вдруг ничего не будет?

– О чем ты? – отстранился он, внимательно посмотрел ей в глаза.

– О будущем. О том, что у нас ничего не получится.

– Катя!

– Да знаю, знаю, знаю... – Она вскочила, подошла к окну. В синих сумерках при свете фонарей снег переливался искрами. – Я страдаю ерундой!

– Катя...

Она дернула плечом.

Гудела вода в трубах. Чужой дом, чужая кухня, чужие чашки... Нет, это не номер в гостинице. Это квартира плейбоя Петренко – милого и веселого мужика, который, ко всему прочему, всегда был равнодушен к Кате. Но почему так неприятно?

– Мама говорит, что ты никогда не уйдешь из своей семьи. Что ты останешься с Нелли.
А я... – пробормотала Катя, глядя в окно.

– Перестань! – с досадой перебил он ее. – Я люблю тебя.

– А Нелли свою, что, совсем не любишь?

– Нет, это другое. Она мне... она мне родной человек. Семнадцать лет вместе! Но это не та любовь, которую мужчина испытывает к женщине.

– Скажи еще, что вы с ней спите в разных комнатах! – буркнула Катя.

– Катя!..

Она прижала пальцы к вискам, стараясь не расплакаться. Она не ревновала Алексея к Нелли. Нет, она просто хотела справедливости. Этот мужчина принадлежит только ей!

Но потом она справилась с собой и снова села за стол. Кофе был еще горячим.

– Я вовсе не стремлюсь замуж, пойми, – терпеливо стала объяснять она. – Мне все равно, будет у меня штамп в паспорте или нет. И вообще, я готова ждать тебя хоть сто лет! Но я должна знать, что рано или поздно наступит тот день, когда нам не надо будет прятаться и лгать. Когда в выходные и праздники ты будешь со мной!

– Этот день наступит, – серьезно произнес Алексей и поцеловал ее. – Верь мне.

– Я верю, – вздохнула Катя. – Но мои милые родственнички... Они хоть кого с ума сведут!

Она села к нему на колени и обняла.

Когда она прижималась к нему так тесно и вдыхала его запах, она была счастлива. От него пахло влажным теплом, замешенным немного на одеколоне и немного на табаке.

Прошло довольно много времени, прежде чем они решили разомкнуть объятия.

– Кофе-то остыл! – улыбнулся Алексей.

– Ничего... – беспечно произнесла Катя и с удовольствием выпила содержимое своей чашки. – Все равно вкусно! Это же ты делал... Знаешь, я бы, наверное, и яд из твоих рук приняла.

– Болтушка! – слегка толкнул он ее.

– Нет, я серьезно! Если ты когда-нибудь захочешь от меня избавиться, то у тебя не будет никаких проблем...

– Язык-то без костей! – беззлобно упрекнул он. – Ладно, надо за работу приниматься... Ты не обидишься?

– Что ты! – возмутилась она. – Я не собираюсь ревновать тебя к работе!

– Сейчас вызову такси...

Катя стала собираться.

Она еще раз зашла в комнату, и в глаза ей сразу же бросилось темное пятно на полу.

«Точно кровь... – машинально подумала она. – Как будто здесь зарезали кого-то. Ну вот, опять! – тут же одернула она себя. – И почему мне в последнее время в голову лезут дурацкие мысли! Отравили, зарезали, убили... Может быть, действительно стоит сходить к психотерапевту? Пусть мне какое-нибудь успокоительное пропишут...»

* * *

Ульяна Акулова, «узница концлагеря», томила от вынужденного безделья, и потому ее визиты в дом к Караваем превратились в ежедневные.

– Скорее бы уж на работу, – пожаловалась она Нелли. – Так надоели эти праздники!

– А мне не надоели, – возразила Нелли, наливая в чашки чай. – Вот, попробуй – жасминовый...

– М-м, какая прелесть! – втянула в себя Ульяна чайный дух.

– Дома хорошо, – убежденно продолжила Нелли. – Когда еще удастся столько времени со своими родными провести.

Осторожно отпивая горячий чай, Ульяна искоса посмотрела на свою подругу.

– Кстати, о родных... – небрежно заметила она. – Где твой обожаемый супруг?

– С утра уехал. Ему надо годовой отчет написать или что-то в этом роде... – пожала плечами Нелли. – Сидит у товарища своего, Петренко.

В свое время Улю познакомили с Петренко, но она ему почему-то не понравилась, и он знакомства не продолжил. С тех самых пор соседку Караваевых переполняла неприязнь к другу Алексея. Конечно, зачем Петренко «узница концлагеря», если у него такая красотка, как эта... Катя, кажется... Однажды Нелли видела подругу Петренко, в каком-то кафе. Случайно, проходя мимо.

– У Петренко?.. – поморщилась Ульяна. – Он ему что, помогает?

– Нет! – нетерпеливо покачала головой Нелли. – Петренко сейчас вообще куда-то из города уехал... Алеша сидит у него дома и работает.

– А почему не здесь?

– Потому что здесь ему все мешают, – пояснила Нелли. – У Поли вечно музыка орет, я кастрюлями гремлю...

Такое объяснение потрясло Ульяну.

– Ну и дела... – пробормотала она. – Муж вынужден убегать из дома, потому что жена, видите ли, кастрюлями гремит... Нелька, у вас же евроремонт – звукоизоляция и все такое!

– Ладно, насчет кастрюль я преувеличила, – с досадой произнесла Нелли – ей были неприятны все эти объяснения. Ульяна Акулова явно хотела подвести ее к какой-то мысли, и Нелли догадывалась, к какой именно. – Просто Алеша из той породы людей, которые могут работать, только находясь в полном одиночестве. Понимаешь – он чисто психологически...

– Психологически? – перебила ее Ульяна. – Господи, Нелька, ты такая наивная!

– Акулова, на что ты намекаешь? – окончательно рассердилась Нелли. – На то, что Алеша навешал мне лапши на уши, а сам там развлекается с какой-нибудь девицей?

– Все может быть... – туманно пробормотала Ульяна, перекачивая в ладонях чашку с чаем. – Просто все эти психологические рассуждения шиты белыми нитками. Взять, например, моего второго мужа. В течение двух месяцев он разыгрывал передо мной приступы желчно-каменной болезни, пока я не сдалась и не отпустила его в санаторий, якобы на лечение. И вот в один прекрасный день я решила проверить, как он там лечится. Не предупредив его, я еду в этот санаторий...

Душераздирающую историю со вторым Ульяниным мужем Нелли знала наизусть.

– Улька, ты мне надоела! – воскликнула она. – Иди к черту! Все, мне некогда... Арриведерчи!

– Ты меня выгоняешь? – обиделась Ульяна. – Ну-ну. Только не говори потом, что тебя не предупреждали...

Она ушла.

Нелли знала, что завтра Уля снова придет, словно и не было этой ссоры. Уля Акулова страшно скучала от безделья.

После ее ухода Нелли села смотреть телевизор, но на душе было беспокойно. «А что, если и правда... – кольнула ее сердце мысль. – Нет, не может быть...»

Нелли вдруг стало так нехорошо, что она застонала. Проверить, что ли, в самом деле? Ведь можно же туда съездить, к этому Петренко...

Она быстро оделась, предупредила Полю, что скоро будет, и выбежала из дома. Было уже темно. Нелли села в машину и по полупустым улицам быстро доехала до Рождественского бульвара. Адрес Петренко она знала.

Взлетела на второй этаж, нажала на кнопку звонка.

– Кто там?

– Алешка, это я... Открывай!

Она ворвалась в квартиру, словно фурия, быстро обежала ее всю.
Никого.

В комнате на столе мерцал открытый ноутбук, на экране – какие-то таблицы, цифры...

– Нелли, ты чего? – с изумлением спросил Алексей. – Случилось что-то?

– Нет, все в порядке! – Нелли засмеялась и повисла у него на шее. – Господи, Лешка, я такая дура... Улька Акулова мне голову заморочила. Понимаешь, я ей сказала, что ты у Петренко дома работаешь, а она мне...

– Все ясно с твоей Акуловой! – рассердился тот. – Нет, ну а ты-то зачем ее слушаешь?

– Лешка, я просто дура... – Нелли была в какой-то эйфории.

– Ладно, я все равно уже домой собирался. – Он захлопнул ноутбук. – Очень устал...

Он стал одеваться, а Нелли еще раз, машинально, осмотрела комнату.

– Какой же твой Петренко грязнуля! – укоризненно произнесла она. – Вещи все раскиданы – словно ураган прошел... А это пятно на ковре! Такой хороший ковер испортил... Нет, ему определенно пора жениться!

– Да, пора... – усмехнулся Алексей.

Они вышли из дома, сели в машину Нелли.

– Слушай, у него же девушка была. Катя. Славная такая... Почему он на ней не женится?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Алексей. – Я в его дела не лезу. Послушай, Нелли, я вот что тебе хочу сказать...

Он задумался. Его лицо в свете уличных огней казалось старше, серьезней, значительнее.

– Лешка, я люблю тебя... – улыбнулась Нелли и, остановившись у светофора, быстро чмокнула мужа в висок. – Ты у меня просто красавец!

– Милая, никогда не ревнуй меня, – вздохнув, решительно продолжил он. – Ни-ког-да. Именно это ты должна запомнить. Ты единственная женщина в моей жизни, и я ни на кого тебя не променяю. Мы с тобой будем жить долго и умрем в один день, как в сказке. Пожалуйста, верь мне.

– Верю... – растроганно прошептала Нелли. Мысленно она кляла Улю Акулову, которая заставила ее сомневаться в Алексее.

Когда они вернулись домой, у Поли грохотала музыка.

– Полина! – разъяренно завопила Нелли, врываясь в комнату дочери. – Сколько раз тебе повторять – надевай наушники и слушай в них сколько хочешь свой тяжелый рок!

– Это не тяжелый рок, а технопанк, – растерянно пробормотала Поля, выключая музыкальный центр. – Мам, но дома же никого не было...

– А теперь у нас все дома, – с нажимом произнесла Нелли. – И будь добра...

– Мама! – едва не плача, перебила ее Поля. – Ты чего орешь на меня? У меня, между прочим, неприятности...

– Какие еще неприятности?

– Селина сказала, что Кирилл Пасечников назвал меня выдрой с хвостом, а когда я его об этом спросила, он ответил...

– Поля! – теперь Нелли в свою очередь перебила дочь. – Мне совершенно наплевать на твоего Пасечникова и на твою Селину. Меня гораздо больше беспокоит то, что ты систематически выживаешь отца из дома...

– Мам, ну неправда! – обиделась Поля. – Я папу очень люблю и вовсе его не выживаю.

– Тогда слушай свою музыку в наушниках! – грозно приказала Нелли. – И вообще...

* * *

После Рождества Катя заехала за Микой.

Дома никого не было, кроме него и бабы Лизы.

– Где все? – оживленно спросила Катя, оглядывая пустую вешалку.

– Ушли лечиться, – сообщил Мика. – К этому, как его... который музыкой лечит.

– А, к психотерапевту! – догадалась Катя. – Ну, с тетей Ниной и с тетей Дашей все понятно, а вот мама-то зачем к нему отправилась, не понимаю...

– Бабушку кошмары мучают, – пояснил Мика.

– Если бы она не объедалась на ночь, ее никогда бы никакие кошмары не мучили! – с досадой произнесла Катя. – Ладно, Мика, одевайся...

Шаркая, в коридор выползла бабушка Лиза, держа перед собой в вытянутых вперед руках какой-то узелок.

– Вот, отнесла бы Митечке... – жалобно попросила она, глядя на Катю темными блестящими глазками.

– Что это?

– Гостинец, што... – вздохнула старуха. – С Рождеством его хотела поздравить. Ну, и Леониду его заодно...

– Бабушка... – Катя ощутила одновременный приступ раздражения и жалости. – Чем тебе тут плохо? Дядя Митя все равно не возьмет тебя к себе жить.

– С чего ты взяла, што я к нему хочу перебраться? – туманно возразила старуха. – Я только это... с Рождеством хотела поздравить!

– Ладно... – Катя засунула увесистый «гостинец» к себе в сумку. – Передам. Только учти – дяде Мите хоть Рождество, хоть Пасха... Он воинствующий атеист!

– Не наговаривай, – отмахнулась баба Лиза сухонькой ручкой.

– Что, домой? – спросил Мика уже на улице.

– Нет, еще в одно место надо зайти. Ты же слышал, баба Лиза дала нам поручение.

Они с сыном брели по только что выпавшему, ослепительно белому снегу, от которого резало глаза.

– Ма...

– Да, Мика?

– Ма, а Австралия далеко? – спросил сын. – То есть я, конечно, знаю, что она далеко... Но сколько времени до нее на самолете, например, лететь?

– Сутки, наверное, – пожала плечами Катя. – Или около того...

Она старательно делала вид, что не заметила в вопросе сына никакого подвоха.

– Ма...

– Да, Мика?

– Может быть, слетаем туда? – нерешительно предложил он. – Ну, летом... Типа в туристическую поездку?

– Это дорого и неинтересно, – холодно произнесла Катя. – Лучше в Турцию.

– Надоела мне эта Турция! – с ненавистью произнес Мика. – Я хочу в Австралию!

– Вот вырастешь, заработаешь денег – и поезжай куда хочешь.

– Ма, ты не понимаешь!

– Мика, я даже адреса его не знаю, – все так же холодно произнесла Катя. – И потом... сомневаюсь я, что ты ему нужен.

– Нет, нужен... – неуверенно пробормотал Мика.

Они говорили о Григории Ганине.

«А если он и вправду в Москве? – мрачно подумала Катя. – Впрочем, какая разница... Такие, как Ганин, со временем не меняются. Бедный Мика, ты даже не подозреваешь, что за человек твой отец!»

Она ненавидела Григория Ганина. Григорий Ганин, пуп земли и центр вселенной, никогда не любил детей и никогда не хотел их. Сводить с ним Мику – только травмировать ребенка...

«Впрочем, – тут же успокоила себя Катя, – вряд ли Ганин в Москве. Фаина вполне могла что-то напутать».

– Ма...

– Мика, пожалуйста, мне этот разговор неприятен, – отчеканила Катя.

Они дошли до мебельной фабрики, обнесенной каменным забором. Дядя Митя работал здесь. В данный момент он сидел за стеклянной перегородкой в своей проходной перед вертушкой и пил чай.

– Миша! Катя! – загудел он, ничуть не удивляясь. – Вот так гости...

Дмитрия Родионовича Быкова всегда отличало олимпийское спокойствие и жизнерадостность.

– Тебе гостинец от бабы Лизы... – Катя передала ему узелок. Дядя Митя, не разворачивая, положил его на подоконник.

Старенький переносной телевизор показывал юмористическую передачу – из разряда тех, которые Катя не стала бы смотреть даже под угрозой расстрела.

– Вот что... – Она решительно сделала звук потише. – Баба Лиза по тебе скучает.

– Так и я мамашу вспоминаю частенько! – Дядя Митя заморгал невинно.

– Ты у них раз в сто лет бываешь, – сурово произнесла Катя. – Это не дело.

– Так я видел ее на днях! – жалобно произнес тот.

– А теперь опять до следующего Нового года пропадешь...

Мика тем временем, сидя за поцарапанным столом, вертел в руках старый будильник.

– Ну, не могу я мамашу к себе взять! – задушенным голосом прошептал дядя Митя. – У меня площадь не позволяет! И Леонидочке обуза...

– Ты должен сам сказать об этом бабе Лизе, – пыталась растолковать Катя. – Понимаешь, она думает, что тетки ее не пускают.

Дядя Митя по каким-то причинам не хотел этого делать. Вероятно, не хотел разрушать свой имидж любящего и преданного сына.

– Она сбежать собирается, – неожиданно заявил Мика, который до этого, казалось, был увлечен только будильником. – Я слышал, что она себе под нос шепчет... У бабушки Лизы есть план.

– Чего? – ошеломленно спросил дядя Митя.

– План. У нее есть план.

– Какой еще план? – в свою очередь, растерялась и Катя.

– Довольно-таки сложный... – Мика покачал головой. Из-под вязаной шапки у него выбивались светлые вихры. «В парикмахерскую пора», – машинально подумала Катя, глядя на сына. У Григория Ганина были довольно длинные волосы. Мика ни в коем случае не должен быть похож на Григория Ганина... Катя увлеклась своими мыслями, а сын ее между тем продолжал: – Во-первых, баба Лиза ждет весны. Во-вторых, ее старое пальто съела моль, и она хочет купить себе новое. Появиться у тебя, дядь Мить, в старом она почему-то не хочет... В-третьих, она никак не может придумать повод, чтобы бабушка Аля отпустила ее из дома...

– Ничего себе! – крикнул дядя Митя. – Мамаша в бега собралась удариться! Катька, ты должна там предупредить всех...

– Хорошо, – озадаченно произнесла Катя. – Но до весны у нас по крайней мере есть еще время.

В этот момент в каморку вахтера заглянул какой-то работяга в ватнике.

– Родионич, я тут достал кой-чего... – Он указал на бутылочное горлышко, торчавшее из кармана.

У дяди Мити заблестели глаза.

– Отлично! – бравым военным голосом произнес он. – Сейчас Муркин придет, он меня сменит. Через пять минут буду, Колян!..

«И это мои родственники! – с бессильной досадой думала Катя по дороге домой. – Дядя Митя за бутылку водки душу продаст!»

Дома она принялась за свое любимое дело – взяла деревянную заготовку и стала вырезать коня.

Резьбе по дереву Катя специально не училась – давным-давно, лет десять назад, взяла в руки инструменты и принялась за дело, словно заколдовал ее кто.

– Напоминает богородскую или кудринскую резьбу... – заметил однажды Алексей, разглядывая ее уже довольно внушительную коллекцию лошадей. – Послушай, у тебя здорово получается... Хоть выставку устраивай!

– Ах, перестань! – отмахнулась тогда Катя. – При чем тут богородская резьба? Это все сублимация. Попытка занять себя чем-то в свободное время. Когда мы будем вместе, я брошу это дело.

На полках ее стояли и арабские скакуны, и орловские рысаки, и тяжелые битюги, и нежные тонконогие жеребята... Но на сей раз из-под летящей стружки вырисовывалось нечто особенное.

Мика подошел, заглянул из-за плеча.

– Здорово, ма! – одобрительно произнес он.

Светлая липовая стружка вилась вокруг Катиных пальцев. И неожиданно для себя она вдруг увидела зверя, который рождался из ее рук, – тонконогое изящное создание с вьющейся гривой и выразительной длинной мордой.

– Это будет сказочная лошадь, – пробормотала Катя, – на которой можно ускакать от любого недруга.

– А они у тебя есть? – с любопытством спросил сын.

– У любого человека есть недоброжелатели... – пожалала Катя плечами.

Развивать тему она не стала, потому что на самом деле под «недрузьями» Катя подразумевала лишь одного человека – Григория Ганина. Он раздражал ее уже одним тем, что мог в данный момент находиться в Москве.

«А что, если Ганин решит встретиться со мной? – вдруг испугалась она. – Захочет вспомнить старых знакомых... Или просто наберет мой номер, который, кстати сказать, не так уж и сложно узнать...»

Она тут же решила, что ничего не скажет ему о Мике. Да, она ничего ему не скажет. Строгим голосом попросит его больше не беспокоить ее и положит трубку...

И в этот момент зазвонил телефон.

Катя от неожиданности выронила нож, которым резала дерево, и поспешно крикнула:

– Мика, я сама возьму трубку!

Мика пожал плечами и, засунув руки в карманы широких домашних штанов, с независимым видом ушел в другую комнату. На миг у Кати мелькнула мысль, что сын уже с трудом терпит ее – ее раздражение, ее приказы, ее самоуверенный тон...

Но в следующее мгновение она уже говорила в трубку незнакомым, напряженным голосом:

– Аллю! Вас слушают...

– Катя, это ты? – удивленно произнесла Зоя, а звонила именно она. – Ты простудилась, что ли? Еле узнала тебя...

– Со мной все в порядке! – с облегчением вздохнула Катя. – Что-то со связью...

– Катя, это он! – крикнула Зоя возбужденно. – Это именно он, оказывается, названивает мне!

– Кто?

– Личутин! Понимаешь, я купила телефон с определителем номера...

– А-а... Да, я помню, ты жаловалась нам с Фаиной, что кто-то в последнее время беспокоит тебя. Значит, оказывается, это твой бывший муженек...

– Нет, Катя, ты не представляешь... – Зоя была очень возбуждена. – Личутин совсем спятил!

– Что ему надо? – с любопытством спросила Катя.

– Не знаю! Я пыталась у него спросить, но он бросает трубку, стоит ему только услышать мой голос.

– Значит, проверяет, дома ли ты...

– Катька, господи, да я и так целыми днями дома!

– Тогда его беспокоит, не завела ли ты новый роман, – заключила Катя. – Ты знаешь что... ты занеси его номер в «черный список» на своем АОНе, и он не сможет тебе больше дозвониться. Все очень просто.

– Точно! – обрадовалась Зоя. – Именно так я и сделаю...

Катя снова взяла в руки деревянную заготовку и с каким-то ожесточением продолжила свою работу – так, что стружка полетела во все стороны. Ей было немного не по себе, но не разговор с подругой ее встревожил... Она продолжала думать о Григории Ганине.

Даже спустя много лет он продолжал раздражать ее. «Наверное, он ничуть не изменился... Такой же самоуверенный и высокомерный. По-прежнему убежден, что свобода важнее всего. Свобода... – горько усмехнулась она. – Он все время твердил о свободе! Он готов был бежать за этой свободой на край света...»

К вечеру Катя окончательно раскисла.

Ей сейчас, как никогда, был необходим Алексей. Только он мог помочь ей...

Не выдержав, она набрала номер его сотового. «Абонент временно недоступен...» Чертыхаясь и ругая себя, Катя набрала городской номер – хотя ей строго-настрого было запрещено это делать.

– Алло! – тут же отозвалась Нелли. – Алло, говорите... Я слушаю. Алло!..

Катя бросила трубку на рычаг. «Ну и чем я сейчас лучше Семена Личутина, Зойкиного мужа?» – с упреком обратилась она сама к себе.

Недовольство собой, раздражение и тоска разрывали ее душу на части.

Она снова сняла трубку.

– Алло, тетя Даш... Дайте мне координаты этого вашего... психотерапевта.

* * *

«Ефим Миронович Копейко, дипломированный специалист» – значилось на табличке на двери.

Ефим Миронович, которого Катины тетки превозносили до небес, работал в обычной районной поликлинике. Кате пришлось предварительно оплатить консультацию с ним, поскольку она проживала совсем в другом районе.

«Вот тебе и Копейко... – хмурилась она, вертя в руках кассовый отнюдь не на копеечную сумму чек. – Проще было в свою поликлинику заглянуть – наверняка там тоже есть дипломированные специалисты. Да к тому же бесплатные!»

Но Катя немного кривила душой – дело было не в деньгах. Просто она уже начала раскаиваться в своем поступке. Стоит ли рассказывать совершенно чужому человеку о своих проблемах? Зачем? Разве может какой-то Ефим Миронович стереть из ее памяти воспоминания о Григории Ганине? Разве способен он притушить ее вечную, неутихающую тоску по Алексею?

Катя бесцельно подошла к окну в коридоре. Она никак не решалась постучать в дверь кабинета дипломированного специалиста Копейко.

Из окна был виден засыпанный снегом дворик с хозяйственными пристройками, по крыше низенького сарая прыгала ворона, вертела круглой черной головой в разные стороны – поликлиника располагалась в старинном особняке. Еще дореволюционной постройки – толстые стены, заколоченные каминные в самых неожиданных местах, маленькие зарешеченные окна, – здание почему-то напомнило Кате Петропавловскую крепость, в которой она была когда-то, очень давно, с экскурсией...

В пустом гулком коридоре, позади от Кати, раздались шаркающие тяжелые шаги. Она поспешно оглянулась и увидела женщину средних лет, которая, задыхаясь – то ли от спешки, то ли от волнения, – брела к кабинету Ефима Мироновича.

– Вы... крайняя?... – одышливо спросила женщина.

Была она довольно полной, с примятыми волосами, взгляд потерянный и блуждающий. Бесформенный коричневый свитер, черная юбка, к подолу которой прилипли шерстяные серые волосы неизвестного происхождения.

– Я после вас зайду, – неприязненно произнесла Катя.

Она недолюбливала подобных женщин. Женщин, которые позволили себе опуститься раньше времени. Такими были Алевтина Викторовна, тетя Нина, тетя Даша... У них у всех похожие глаза.

Женщина взялась за ручку двери.

– Вы, это... вы зря в коридоре стоите, – неожиданно обернулась она. – Ефим Миронович не одобряет, когда тут ждут.

– А где же мне еще ждать? – хмуро спросила Катя.

Ворона на соседней крыше все крутила головой, косилась в Катину сторону черным хитрым глазом.

– Сюда заходите, – приветливо пояснила женщина. – Тут у Ефима Мироновича что-то вроде предбанничка, а сам он в дальнем кабинете принимает.

– Спасибо, я поняла, – кивнула Катя.

Она из какого-то упрямства осталась стоять у окна. Неровный сводчатый потолок низко нависал над головой, пахло лекарствами и скукой.

В конце коридора появился одетый в белый халат молодой мужчина, с кокетливыми височками а-ля семидесятые и победительной улыбкой.

– Вы ко мне? – спросил он, подойдя к двери с надписью «Массажный кабинет».

– Нет, – с ненавистью произнесла Катя.

– А то заходите, – благодушно произнес тот. – Такая красивая девушка...

– Совсем обнаглели... – прошептала Катя себе под нос и решительно скрылась в «предбанничке» доктора Копейко.

Это была темная, довольно просторная комната с широкими кожаными креслами, вся заставленная растениями в горшках. На зеркальных полках стояли книги, журналы, какие-то фигурки... Катя иронически усмехнулась. Как, вероятно, подразумевалось, обстановка этой комнаты должна благотворно воздействовать на пациентов и расслаблять их нервную систему.

Следующая дверь, которая вела непосредственно в кабинет Ефима Мироновича, была закрыта неплотно, и вместе с ярким светом сквозь щель из нее сочилась приглушенная тишина. Та давешняя тетка болтала с доктором. Но Катю мало интересовало содержание их разговора. Она прошла вдоль полок, разглядывая корешки книг.

Они были самого различного, порой даже неожиданного содержания... Учебники по психологии, труды популярных современных авторов, чьи фамилии Катя слышала не раз, множество изданий Фрейда и Берна, книги по искусствоведению и рукоделию. «Надо же, даже «Резьба по дереву» есть!» – удивилась Катя. Религиозные трактаты, Библия, Коран, какие-то зороастрийские учения... Судя по всему, пациентами Ефима Мироновича были очень разные люди, принадлежавшие к разным конфессиям, и ко всем требовался свой подход.

«Если он спросит, что меня беспокоит, то что я отвечу? – снова задумалась Катя. – А, я скажу, что я постоянно на взводе и все меня злит...»

Она машинально, из чисто профессионального интереса, потянулась к «Резьбе по дереву», но вместо нее почему-то вытащила из книжного ряда толстенную Библию. Перелистала и не нашла для себя ничего интересного. Подумала: «Какая архаика... Неужели это кто-то всерьез читает?» – и задвинула Библию на полку. Рука потянулась к красочному изданию Фрейда...

– А по ночам практически не сплю, – донеслось до Катиних ушей. Это тетка жаловалась доктору. Скорее всего, она тоже позволяет себе поздний ужин, вот и не спит! Так прокомментировала про себя теткино недомогание Катя. А та продолжала: – Все мысли, мысли какие-то... Словно я могу что-то изменить, если в тысячный раз начну об этом думать. И тоска. Такая, знаете ли, застарелая уже, почти привычная.

– Продолжайте, Мария Ивановна, – подбадривающе произнес голос психотерапевта.

«Мария Ивановна... – снова усмехнулась Катя. – Марь Иванна. Марьиванна. И имечко-то у нее, у этой тетки, соответственное!»

– Еще чувствую холод... – торопливо, с готовностью сообщила та. Катя не хотела слушать, но разговор навязчиво лез ей в уши...

– Где, в каком месте?

– Везде. Особенно руки мерзнут. И ноги. Конечности, словом... И еще внутри холодно, как будто я ледяной воды напилась. Кутаюсь, кутаюсь, в ванне горячей постоянно сижу, а все без толку. И постоянно эту сцену вспоминаю.

– Какую сцену, Мария Ивановна? – со спокойным участием произнес Ефим Миронович.

– Ну, как Сереженька приходит домой, просит меня сесть, а потом говорит: «Все, Маша, покидаю я тебя. Другую люблю...» – Голос женщины дрогнул, и она завсхлипывала.

«Немудрено, что он тебя бросил! – строго подумала Катя, вспомнив, как выглядит пациентка. – Талии нет, на голове воронье гнездо, шерсть какая-то к юбке прилипла... За собой надо было следить!»

– ...говорит он мне это все, а я словно в тумане. Как будто это все неправда, сон! Не доходят Сереженькины слова до моего сознания. Ну, он уже вещи собрал и ушел, а я все сижу, сижу... И никак не могу проснуться!

– Водички, пожалуйста.

– Спасибо. В общем, не сразу я поняла, что он меня бросил. А ведь двадцать лет вместе прожили, душа в душу! – страстно произнесла женщина. – Деток у нас двое – старшенький сейчас в Германии учится, а младшенький одиннадцатый класс заканчивает...

– Дети как к уходу отца отнеслись?

– Да не очень... Не очень они его поступок поняли. И ведь что самое странное – я до последнего времени ни о чем не догадывалась. Сережа вел себя как обычно. Задерживался, конечно, по вечерам, и в выходные иногда уходил. Говорил, к друзьям...

Катя стояла у двери и, сжимая руки, теперь напряженно слушала эту бесхитростную, такую обычную исповедь. Столько женщин могли слово в слово повторить, что лепетала сейчас бедная Марьиванна...

«Нелли... Для Нелли тоже наступит такой день, – мелькнуло у Кати в голове. – Алеша уйдет от нее, и она тоже станет твердить: «За что?...» Нет, Нелли должна отреагировать совсем по-другому. Нелли сильнее, она справится!»

– Я все о той женщине думаю, к которой Сережа ушел. Сама-то я ее не видела, но знакомые рассказывали... Говорят, молоденькая, красивая. Веселая. Зачем она так со мной поступила?

– Мария Ивановна, это не она, это ваш муж...

– Ах, Ефим Миронович, я все понимаю! – с душераздирающим вздохом перебила женщина доктора. – Но она... На ней ведь тоже часть вины! Неужели она не знала, не догадывалась, какую боль я испытаю?

Катю стала бить мелкая дрожь, словно она сама глотнула из ледяной проруби. Она вдруг отчетливо, очень ясно представила Нелли после ухода Алексея – ошеломленную, измученную женщину. Убитую горем, подурневшую.

«Нет-нет, нельзя впускать такие мысли в себя! – испугалась Катя. – Я и в самом деле сойду с ума, если начну думать об этом!»

В их любовном треугольнике все будет по-другому. Конечно, Нелли предстоят несколько неприятных минут. Но Алексей, разумеется, сделает все, чтобы смягчить удар. В моральном и материальном плане. Пусть все оставит Нелли – не жалко. Он будет жить у Кати. Она, Катя, разумеется, будет позволять ему встречаться с дочерью сколько душе угодно. Нелли – современная, интересная женщина, не то, что эта тетеха в соседней комнате. Через некоторое время Нелли найдет себе нового спутника жизни, какого-нибудь приличного, весьма достойного мужчину. Недаром же в народе говорится: сорок пять – баба ягодка опять! Да, к тому сроку, на который намечен уход Алексея из семьи, Нелли будет именно сорок пять. Гм, еще совсем нестарая... И они все будут дружить семьями. Добрые, благородные, современные люди...

– Я просто места себе не нахожу. Да, знаю – время лечит, – бормотала в соседней комнате женщина. – Наверное, когда-нибудь эта боль будет не так остра. Но никогда я не смогу забыть того дня, когда он сказал, что больше не любит меня. Да, у меня есть дети, есть работа, есть хорошие друзья... Я об этом помню. Только... только в тот день моя душа умерла.

– Моя душа умерла... – одними губами прошептала Катя.

И будущее, которое она представляла относительно благополучным и четким, вдруг стало рушиться на ее глазах. Она – милая, молодая женщина – станет виновницей чужого горя. До сегодняшнего дня ей было все равно, что будут чувствовать Нелли и Полина, а теперь Катя поняла: им будет очень больно.

И ей стало совсем не по себе. Она не хотела причинять кому-то зла! Ведь зло имеет свойство возвращаться!

«Моя душа умерла...» – повторила Катя еще раз слова незнакомой Марьиванны, как будто они имели непосредственное отношение и к ней, к Кате.

Теперь в кабинете за дверью говорил доктор – спокойно, увещающе...

Минут через десять женщина и доктор вышли из кабинета. По лицу Марии Ивановны было видно, что она плакала, но теперь почти успокоилась.

– Ну-с, у нас еще пациентка... – благожелательно произнес Ефим Миронович. – Прошу.

Он приветливым жестом распахнул дверь. Был Ефим Миронович невысок, кругл и абсолютно, младенчески лыс. Пожалуй, более мирный облик трудно и вообразить, но Катя с каким-то ужасом шарахнулась от доктора.

– Нет-нет! – забормотала она. – Я не... Я передумала!

– Почему же? – с немного обиженной улыбкой спросил тот.

Страдалица Мария Ивановна давно ушла, казалось, унеся с собой все свои печали. Но слова ее остались: они витали в полутемном «предбаннике», точно дым. «Моя душа умерла...»

– Я... я потом к вам зайду! – Катя пулей выскочила в коридор, словно безобидный Ефим Миронович мог поймать ее и вытрясти всю правду.

...Вообще-то Катя была человеком, которого трудно заставить в чем-либо сомневаться. Но уж если она начинала сомневаться, это было всерьез и надолго.

Она сомневалась целый вечер и целую ночь. Утром беспокойство с тройной силой напало на нее.

Работать она не могла.

Катина должность называлась – «офисный менеджер», и работа заключалась в том, что Катя обязана была с утра до вечера сидеть на телефоне и принимать заказы от разных строительных организаций, иногда – от частных лиц.

Катина фирма занималась исключительно перепродажей керамической плитки – то бишь дистрибьютерством. Разновидностей этой самой плитки и способов ее применения была масса. Дешевая и элитная, для облицовки фасадов загородных вилл и обычных ваннных комнат, для бассейнов и кухонь, метлахская и кислотоупорная... Плитка от обычных подмосковных заводчиков и зарубежных производителей – в основном из Италии и Испании. Конечно, быть посредником не так уж почетно, но в большинстве случаев без этого самого посредничества не обойтись...

Работу свою Катя любила.

Ну, не любила, а относилась к ней с большим почтением. Во-первых, ей неплохо платили. Во-вторых, имидж строгой и эффектной офисной дамы был ей к лицу. Она обожала корпоративные вечеринки, где непринужденное веселье сочеталось с абсолютной закрытостью каждого персонажа. Она любила саму себя на своем рабочем месте – в классическом костюме-двойке и элегантных туфельках-лодочках. Любила эту игру с дистанцией – между сотрудниками и между непосредственным начальством.

Ни один, даже самый капризный клиент не мог вывести ее из себя, что, по сути, являлось парадоксом, ибо недоразумения в семье заставляли ее заводится с пол-оборота. Но в этот день все валилось у нее из рук. Она забывала самые простые вещи и в конце концов почти накричала по телефону на одного клиента, который никак не мог объяснить, что именно ему требуется.

– Людочка, пока не соединяй меня ни с кем, – попросила она секретаршу.

Выключила монитор, обхватила голову руками.

«Не надо было мне ходить к этому психотерапевту, – решила она. – И вообще – не надо было слушаться своих теток! Вот, в кои-то веки послушалась их – и на тебе... Теперь какой-то ерундой страдаю».

На столе лежал пухлый потрепанный справочник с адресами всевозможных фирм, имеющих отношение к строительству вообще и к потенциальным покупателям или продавцам керамической плитки в частности. И вдруг какая-то смутная мысль мелькнула у нее в голове. Фаина... Фаина говорила о Ганине... Нет, Ганин тут ни при чем, а вот Фаина может ей сейчас здорово помочь!

Катя набрала номер Фаины.

– Привет, подруга, это я... У меня к тебе вопрос – насколько далеко могут завести муки совести?

– Муки совести? – озадаченно переспросила Фаина. – Ты мне с работы звонишь? Зарезала своего начальника, что ли?

– Я серьезно! – рассердилась Катя. – Вчера вечером со мной произошло кое-что...

Фаину всегда отличало любопытство. Поэтому она предложила:

– Если это серьезно, то мы должны с тобой встретиться. Сегодня в семь. Как тебе? Посидим в каком-нибудь кафе, поболтаем...

– Ничего не имею против, – вздохнула Катя. – Правда, не знаю, доживу ли до вечера...

Тем не менее до вечера она дожила. И даже более того – умудрилась опоздать на встречу с Фаиной на целых полчаса, потому что обнаружила в соседнем обувном очень приличные сапожки со скидкой.

Фаина ждала ее в небольшом итальянском ресторанчике неподалеку от Кузнецкого Моста.

– Послушай, это свинство – так опаздывать... – сердито начала она.

– Прости-прости-прости... – умоляюще забубнила Катя, запихивая под стол свои покупки. – Но я словно не в себе... Зачем-то вот купила сапоги, хотя у самой их четыре пары...

– Да что случилось-то?

В это время к ним подошел официант, и пришлось сделать заказ.

Только после этого Катя принялась рассказывать:

– Я случайно подслушала один разговор... Исповедь женщины, которую бросил муж.

– Какая-то твоя знакомая? – с интересом спросила Фаина.

– Нет, в том-то и дело – абсолютно незнакомая тетка! – с горячностью воскликнула Катя. – Но... но я скоро тоже стану разлучницей! Я причиню людям горе – понимаешь?!

– О господи, какой пафос... – поморщилась Фаина. – Впрочем, я тебя поняла – ты представляла себя и эту, как ее... Нелли... в аналогичной ситуации.

– Да!

– Послушай, Телегина, каждый день тысячи мужчин бросают своих жен, тысячи жен уходят от мужей к любовникам... Это жизнь! Каждый второй брак, согласно статистике, распадается! Взять, например, сексуальную несовместимость...

– Секс тут ни при чем!

– Очень даже при чем!

Официант принес заказ. Катя принялась остервенело кромсать пищу, а Фаина, медленно отпивая из бокала красное вино, с безмятежной улыбкой смотрела на нее.

– Ты ведь любишь своего Алексея?

– Очень. Очень...

– И он тебя любит. Если он не решится уйти от Нелли, вы с ним будете страдать. Понимаешь, Катя, в любом случае кто-то из вас троих обязательно будет страдать...

– Из четверых, – напомнила Катя. – Ты не берешь в расчет Полину, их дочь.

– Не думаю, что Полина будет тяжело переживать развод своих родителей, – пожала плечами Фаина. – Насколько я помню, она довольно-таки взрослая...

– Пятнадцать лет.

– Пятнадцать... Но ведь ты говорила, что Алексей собирается уйти из семьи, когда она достигнет совершеннолетия? У девочки к тому времени будет своя жизнь!

– Кажется, ты права... – растерянно пробормотала Катя. – Но Нелли...

– С Нелли тоже ничего не случится, – терпеливо принялась объяснять Фаина. – Раз уж вы с Алексеем серьезно подошли к делу, так все распланировали, то ее переживания сведутся к минимуму. Она, может быть, уже сейчас морально готова к разводу... даже более того – не исключено, что у нее тоже кто-то есть. И даже если нет – ничего страшного... Раз уж Алексей завел любовницу, то, скорее всего, их отношения оставляют желать лучшего. Неверность – симптом дисгармонии в браке. Не исключено, что он надоел ей хуже горькой редьки, и она вздохнет наконец с облегчением, когда они расстанутся.

– Вполне возможно, – удивленно согласилась Катя. Она неожиданно успокоилась. – Фаина, ты чудо! Господи, и никаких психотерапевтов не надо! «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...», кажется, так поется в песне...

– Кстати, о друзьях, – довольно улыбнулась Фаина. – Взять, например, нашу Зойку.

– Да, возьмем Зойку...

– Семь лет она терпела рядом с собой этого дурака Личутина... Кто бы осудил ее, если б она завела любовника?

– Я бы никогда ее не осудила! – возмутилась Катя. – Он такой мерзкий, неприятный тип... Пожалуй, даже если б она его убила, то я ничуть не удивилась бы!

– Или взять тебя... Ты, конечно, не любишь, когда тебе напоминают о Ганине, но... тем не менее...

– А что – Ганин? – вздрогнула Катя.

– Ты могла бы с ним прожить всю жизнь, не изменяя ему? А он?

– Нет, мы с ним совершенно несовместимые люди, – неохотно подтвердила Катя.

– Вот видишь! – с торжеством произнесла Фаина. – А ты переживаешь, что Алексею придется бросить Нелли... Да это самое обычное дело, я бы даже сказала – насущная необходимость! А ты места себе не находишь из-за какого-то подслушанного разговора...

– Обожаю тебя! – засмеялась Катя. Они чокнулись. – Послушай, Фаина...

– Что?

– Ты не помнишь название фирмы, в которой работает Ганин? Ну, конечно, если это *наш* Ганин...

– Зачем тебе? – подозрительно спросила подруга.

– Так... На всякий случай, – уклончиво произнесла Катя. – Не хотелось бы с ним случайно столкнуться.

– Я не помню... – нахмурила свои смоляные брови Фаина. – То ли «Вега-плюс», то ли «Мега-плюс»... В общем, это архитектурное бюро.

– Их сейчас миллион! – с досадой сказала Катя. – Ладно, будем надеяться, что Ганин меня не найдет.

– Не уверена, что он одержим желанием найти тебя, – засмеялась Фаина.

– Это точно! – засмеялась и Катя.

Они ели пиццу и пили вино. Две подруги, которым все было по плечу.

– Послушай, Фаина...

– Да, Катюш?

– А твой муж, Глеб... Как ты думаешь, он никогда не изменял тебе? – с любопытством спросила Катя.

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Фаина. – И знать не хочу...

– Тебе все равно?

– Нет, мне не все равно! – внезапно разозлилась та. – Телегина, давай поговорим о чем-нибудь более интересном...

У Кати в сумочке внезапно зазвонил телефон.

– Алло!

– Солнце мое, это я...

– Алешка! – обрадовалась Катя, прижимая к уху мобильник. – Куда ты пропал?

– Я никуда не пропадал... Послушай, ты звонила мне позавчера домой?

– Да.

– Катя, я же тебя просил!

– Но мне очень хотелось услышать твой голос! Я соскучилась! – капризно протянула она. Фаина усмехнулась, допивая вино.

– Хотела бы я увидеть твоего Алексея... – негромко произнесла она. – Чего ты его от нас скрываешь?

– Где ты? – спросил Алексей. – Ты не одна?

– Я с Фаиной. Сидим в кафе и болтаем о всяких пустяках! – засмеялась Катя. – Когда мы встретимся? Петренко еще в отъезде?

– Нет, у Петренко больше встречаться не будем.

– Почему?

– Есть кое-какие причины...

– Она знает? – встревожилась Катя. Она имела в виду Нелли, и Алексей, конечно, сразу понял ее вопрос.

– Нет, она не знает, – ответил он немного недовольно. – Просто... я не хочу вызывать у нее никаких подозрений раньше времени.

* * *

Начался февраль.

Все было по-старому, без изменений. С одной стороны, это говорило о некоей стабильности, а с другой...

«Это зима во всем виновата, – думала Катя, вертя в руках уже готовую деревянную фигурку. Получилось дивное создание – то ли животное, то ли мечта... От того, что Катя на сей раз не слишком следовала лошадиной анатомии, новая скульптурка напоминала какой-то сказочный персонаж. – Нет ничего скучнее и неприятней московской зимы!»

Она кинула взгляд на календарь, стоявший рядом, и вдруг вспомнила – сегодня у Лаэртova день рождения! Она сто лет об этом не вспоминала, а тут вспомнила...

Катя набрала его номер, моля бога, чтобы трубку взяла не Вера Петровна.

– Слушаю вас... – сонным голосом отозвался бывший муж.

– Толик, привет! Ты что такой скучный? – засмеялась Катя. – Я тебя поздравляю...

– Катюша, как мило! – растрогался тот. – Приходи. У меня, можно сказать, юбилей.

– Да, сорок лет – это не шутка! Но сорокалетие, кажется, не принято отмечать...

– А я и не отмечаю, – вздохнул тот. – Сiju вот, пишу монографию... Приходи.

– Но... но как же Вера Петровна? – осторожно спросила Катя.

– Мама в отъезде. Она сейчас в Петербурге, у своей старой подруги.

Катя вмиг отмякла.

– Хорошо, приду! – обрадовалась она. – Я даже знаю, что тебе подарить...

Она посмотрела на лошадку-мечту, которая стояла перед ней. Лаэртov когда-то давно, когда они еще были вместе, выпрашивал для себя хотя бы один образец ее творчества...

– Сама не знаю, отчего это я сегодня такая добрая! – продолжила она, смеясь. – Ладно, через час буду – только Мику отведу к бабушке...

– Я не хочу! – завопил из другой комнаты Мика, который, оказывается, не пропустил ни одного слова из ее разговора. – Я не маленький, я вполне могу остаться дома один!

– Можешь взять его с собой, – предложил Лаэртov любезно. – Я буду только рад повидаться с Мишенькой...

– Нет, он не даст нам поговорить, – отмахнулась Катя. – В общем, жди меня через полчаса...

Она и в самом деле очень быстро добралась до его дома.

– Катенька... – с распростертыми объятиями встретил ее Лаэртov. – Господи, как я счастлив! Честно говоря, не надеялся, что нам еще когда-нибудь удастся встретиться...

– Ну-ка, дай на тебя посмотреть, – Катя довольно бесцеремонно вертела бывшего мужа в разные стороны. – Кажется, не изменился...

Но она покривила душой – Толик постарел, и залысины надо лбом угрожающе увеличились. Огромные очки в пол-лица, мешковатые брюки, безобразный жилет с вышивкой...

– Мама подарила, – улыбнулся Толик, заметив Катин взгляд. – Она ведь замечательная рукодельница...

– Ну да... – неопределенно хмыкнула Катя. – А вот тебе мой подарок.

Она достала из свертка лошадку.

– Боже мой... – Лаэртov едва успел поймать свалившиеся с носа очки и дрожащими руками водрузил их обратно на нос. – Какая прелесть! Катя... у меня просто нет слов!

Он так искренне, простодушно радовался, что она не выдержала и чмокнула его прямо в лоб.

– Надеюсь, Вера Петровна не выбросит мой подарок.

– Катенька, ну что ты такое говоришь...

– Шучу, Лаэртов, шучу!

– Да, ты помнишь «Песнь о вещем Олеге» – бессмертное творение Пушкина? – вдруг с интересом спросил он.

– Конечно, Толик. Не так давно Мика учил его наизусть – как же мне не помнить! А ты это к чему?

– Дело в том, Катенька, что Пушкин написал свое стихотворение по «Повести временных лет» – древнерусскому литературному памятнику. И есть сведения, что легенда о полководце и его коне восходит к исландским сагам!

Они прошли в комнату.

В этом доме Катя с Микой жили несколько лет, и он был ей почти родным. Почтенная мебель красного дерева, заваленный бумагами письменный стол, тяжелые темные гардины на окнах – Вера Петровна не терпела яркого света... «Моя разлюбезная свекровь, похоже, вампир», – не раз в разговоре с подругами иронично замечала Катя.

Тускло светил торшер с абажуром из желтого шелка.

– Настоящая профессорская квартира... – пробормотала Катя. – Чем будешь угощать, Лаэртов?..

– Минуточку... – тот поставил на журнальный столик бутылку кагора и блюдо с докторской колбасой. – Я, знаешь ли, ничего особого не успел приготовить...

– И правильно! – серьезно произнесла Катя. – Ни к чему нам объедаться.

– Ну да, – сконфузился Толик. – Мало ли что...

Катя, поджав ноги, сидела на мягком кожаном диване. Толик подал ей стакан с кагором, и они чокнулись.

– Все, как в старые времена... – вздохнул он, деликатно присев на свободный краешек. – Я, знаешь ли, до сих пор тебя вспоминаю. Тебя и Мишеньку. Зря ты его не привезла...

– Послушай, Лаэртов, ты ведь мог бы своих детей давно завести! – рассердилась Катя. – Почему ты не женишься?

– Да все как-то некогда...

– У меня гениальная мысль! Помнишь Зою? Ну, Зою Личутину... Она как раз развелась и теперь совершенно одна.

Но Толик не проявил никакого энтузиазма.

– А ты-то почему одна? – тихо спросил он. – Ты же... ты такая красивая, такая яркая... Ты – как солнце!

– О, Лаэртов, ты мне льстишь... – растроганно сказала Катя. – Но я вовсе не одна. У меня есть... есть человек, которого я очень люблю.

Толик быстро-быстро заморгал.

– Кто же он? – спросил еще тише.

– Он? Он тоже как солнце... Для меня, во всяком случае.

– Я желаю тебе счастья, – неожиданно заявил Лаэртов и пожал ей руку. – Значит, скоро свадьба?

– При чем тут свадьба? – недовольно произнесла Катя. – Господи, я и забыла, какой ты старомодный... Хотя да, свадьба будет – но еще очень не скоро.

– Надо проверить свои чувства?

– Нет, в своих чувствах мы не сомневаемся, – уверенно произнесла Катя. – Тут дело в другом. Алексей... его, кстати, зовут Алексей... так вот, он женат.

– Женат? – растерянно повторил Лаэртов.

– Да – и это препятствие. У него есть дочь... Ох, я уже устала всем повторять эту историю! Но ладно, тебе тоже расскажу... Так вот, Алексей собирается уйти из семьи, когда дочери исполнится восемнадцать. И тогда мы с ним...

– Катя! – с ужасом перебил ее бывший муж. – Опомнись!

– Что? – испугалась Катя. – Ты о чем? Послушай, я не понимаю...

– Катя, милая, я не могу поверить... Неужели ты способна на такое?!

– Лаэртов! – мгновенно завелась она, едва не пролив кагор. Толик поспешно взял у нее стакан из рук, чтобы не пострадал кожаный диван (Вера Петровна не пережила бы этого). – Ты что, на Луне живешь? Ты не слышал о таких вещах? Я уверена, в твоих исландских сагах тоже упоминаются эти... как их... адюльтеры.

Катя специально постаралась подобрать книжное слово – кажется, Лаэртову так будет проще понять ее.

– Что? – переспросил он. – А, ну да... Кстати, авторов исландских саг не интересовали переживания, обусловленные сексуальными отношениями, то есть романтические переживания... – Толик вдруг смущенно улыбнулся и поправил на носу очки. Когда дело касалось его работы, он мгновенно отвлекался от всего. – По-видимому, они не вызывали того сентиментального сочувствия, на которое рассчитывает автор всякого романа. И вообще – вокруг них не было никакого романтического ореола! Возьмем, например, известную «Сагу о Ньяле»: Гуннар был влюблен в Халльгерд, но его брак с ней древний автор назвал – «безрассудный брак по страсти», или, если более точно перевести источник, – брак «из похоти».

– Разве плохо быть влюбленным? – недоуменно спросила Катя.

Лаэртов засмеялся.

– Это как сказать! Вообще, Катенька, людям того времени брак по любви казался страшным безрассудством и глупостью.

– Дикие люди! – тоже засмеялась она.

– Э, нет... «Любовью» они называли те отношения, которые устанавливались между супругами спустя некоторое, иногда очень долгое время.

– А как они относились к изменам? – снова спросила Катя.

– Если это любовная связь мужчины с чужой женой, то обычно говорилось, что мужчина «одурачил», «обманул» женщину.

– А если...

– А если же речь шла о любовной связи женатого мужчины с одинокой женщиной, то о ней говорилось как о «побочной» жене. Дети их тоже считались «побочными».

– Вечная дискриминация! – сердито произнесла Катя.

Лаэртов поцеловал ей руку.

– Милая моя... В те времена люди так же влюблялись, испытывали страсть, ревновали... Я повторяю – другой была оценка этих переживаний: не было их романтизации и идеализации. Но сейчас все иначе, – прошептал Толик, нахмурившись. – Катя, так нельзя... Нет, я, конечно, не знаю твоей истории в целом, да и вообще – не мое дело судить, но... Нельзя строить свое счастье на чужом горе!

«Моя душа умерла...» – мгновенно вспомнила Катя, и прежние сомнения вновь всплыли на поверхность.

– Может... Может, и не будет никакого горя, – пробормотала она. – Лаэртов, это же самая обычная жизненная ситуация...

– Я бы с тобой никогда так не поступил, – проникновенно сказал он. – Мне и в голову не приходило завести роман на стороне... Твой Алексей – он...

– Ты просто ревнуешь! – закричала она. – Я поняла – ты ревнуешь!

– Я не ревную! – неожиданно и он стал кричать, очки с его носа свалились, и он опять едва успел подхватить их. – Я просто не узнаю тебя! Моя Катя не была такой! Моя Катя не разрушала чужие семьи!

– Да там давным-давно все разрушено!

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! А ты... Ты, Лаэртов, старомодное чучело!

Толик молчал, тяжело дыша. Катя тоже замолчала. Сердце у нее билось, словно сумасшедшее, и все та же тоска, которая, оказывается, никуда не исчезла, снова заползала в ее душу.

– Да, я чувело... – осипшим голосом прошептал Толик. – И меня нельзя любить...

Кажется, за стеклами его очков блеснули слезы. Милый, глупый Толик Лаэртов, который боялся всего на свете и которого мог так шокировать чужой роман...

– Прости меня! – улыбнулась Катя. – Ты вовсе не чувело. Лаэртов, я не имею права ругать тебя – ведь сегодня же твой день рождения...

Катя поспешно обняла его.

Лаэртов осторожно, робко положил ей руки на плечи.

– Я об этом думала, Лаэртов... – прошептала жалобно Катя. – Ну, о том, что поступаю неправильно. Но что же делать? Я очень люблю Алешу...

– Да-да, я понимаю... – вздохнул он. – Любовь – это величайшая радость, но в то же время – величайшее горе.

– Что же делать?

– Я не знаю.

Катя снова откинулась назад.

Толик, скрестив руки на груди, с мягкой улыбкой смотрел на нее.

– Лаэртов...

– Что?

– Ты должен перестать быть маменькиным сынком. Мне кажется, Вера Петровна слишком много власти имеет над тобой! – решительно произнесла она. – Ведь, по сути, это она нас с тобой развела. А ты должен быть счастлив! Я вот поговорю с Зоей Личутиной...

– Не нужна мне никакая Зоя Личутина... – отмахнулся Толик. – Я вполне счастлив. Да, я счастлив, – убежденно повторил он. – А насчет мамы ты не права... Ну, по крайней мере, в том вопросе, из-за чего нам пришлось расстаться. Ведь ты меня никогда не любила...

– Я? Не придумывай, Лаэртов! – упрямо произнесла Катя.

– Нет, Катя, не обманывай себя. Ты была одна, с маленьким ребенком на руках. Когда я встретил тебя, Мишеньке едва только год исполнился... И тебе безумно тяжело было в твоей семье. До такой степени, что ты решила сбежать ко мне. И мама... Мне кажется, моя мама тогда поняла, что тобой двигало. Именно потому она так... так неадекватно себя вела во времена нашего супружества. Ну и ты, конечно, тоже скоро поняла, что я совсем не пара тебе.

– Лаэртов, нет! Все было не так!

– Катя, но это не значит, что я о чем-то жалею, – неожиданно признался он. – Я бы многое отдал за то, чтобы все вернуть назад. Знаешь, я даже маме не позволил бы вмешиваться в нашу жизнь!

– Да ну?.. – изумленно прошептала Катя.

Они опять замолчали, глядя друг на друга.

– Такая глупая жизнь... – наконец с досадой продолжила она. – Все настолько неправильно... И что самое неприятное – ничего нельзя изменить! Словно рок какой-то висит над всеми людьми.

– Нет, кое-что изменить можно, – заморгал Лаэртов. – Например, не надо делать того, что категорически делать нельзя.

– Например?

– Ты знаешь, о чем я... Кстати, именно поэтому я и не пытаюсь вернуть тебя. Потому что ты меня не любишь. И именно потому я один – не хочу обманывать кого-то еще...

– Ты до сих пор меня... ты до сих пор ко мне равнодушен, что ли? – неловко улыбнулась Катя.

Он тоже улыбнулся неловко и пожал плечами.

– Может быть. Но я о другом хочу сказать... Ты не думай, что я ничего не понимаю, – произнес он серьезно. – В жизни всякое случается – люди делают ошибки, потом пытаются их исправить... Ты, главное, сама сейчас не сделай ошибки. Подумай сто раз, прежде чем что-то сделать.

– Я думала, – сказала Катя тоже серьезно. – Я думала о Нелли... ну, о жене Алеши. И об их дочери. Вроде бы все не так страшно... Я даже к психотерапевту пошла, хотя... хотя так и не смогла с ним поговорить. Фаина успокаивает – обычная ситуация, все через нее проходили, ничего с Нелли не должно случиться...

– А тебя когда-нибудь предавали? – спросил Толик.

– Меня? Нет... – Катя почему-то вспомнила о Григории Ганине. В каком-то смысле он ее предал, когда уехал из страны. Или это она его предала – когда позволила ему уехать?

– Слава богу...

– Толик, давай не будем о грустном, – встряхнулась Катя. – Расскажи лучше что-нибудь интересное. Над чем ты сейчас работаешь, например?

– Я? Над моральным кодексом древних исландцев, конкретнее – над «Изречениями Высокого».

– Кого? – засмеялась Катя.

– Высокий – это Один, главный бог скандинавов. Он живет в Валгалле – «чертоге мертвых», – охотно пояснил Лаэртгов. – У него в подчинении валькирии, воинственные девы... Во время сражений они летают, невидимые, над полем боя и уносят в Валгаллу героически погибших воинов. Поэтому воины сражались очень отчаянно – ведь, умирая, они уносились в страну богов, и смерть казалась им счастьем!

– Ну, а Один-то что изрекал?

– О, совершенно замечательные вещи! Например: «Прежде чем войдешь в дом, присмотришься ко всем входам: не скрывается ли где враг». Или еще лучше – «Дня не хвали раньше вечера, жену раньше ее смерти, оружия – пока не испытано, девушку – пока не замужем, лед похвали – если выдержал, пиво – когда выпито...»

* * *

– Спасибо за заказ, мы перезвоним вам, как только товар будет отгружен! – Катя положила трубку.

В этот день было особенно много звонков. Катя сидела за стеклянной перегородкой, поглядывая, как в точно таких же отгороженных стеклянных будках работают ее коллеги. В основном молодые женщины ее возраста. Спокойные, деловитые, хорошенькие, одетые со строгим изяществом. Ведут переговоры, наманикюренные пальчики порхают по компьютерной клавиатуре... Неужели у них нет никаких проблем?

Катин взгляд снова уперся в толстый растрепанный справочник, лежавший на краю стола.

Словно повинувшись чьей-то воле, он придвинула его к себе и принялась торопливо листать. «Вега-интернешнл», «Вега-супер», «Мега-глобал», «Мега-прорыв» и прочая ерунда... Подобных, ничего не значащих названий в справочнике была масса. Правда, «Мега-плюс» была только одна. И рядом с названием стояло пояснение – «архитектурное бюро». Номер лицензии, телефон, адрес в Интернете.

«Что я делаю? – с раздражением подумала Катя. – Все равно это не то бюро, не тот Ганин, и вообще...»

Она со злостью набрала на клавиатуре электронный адрес, указанный в справочнике. Выскочила табличка – «Архитектурное бюро «Мега-плюс» приветствует вас! Наше бюро выполнит любые ваши пожелания – от составления дизайн-проекта в зависимости от категории помещения и до...»

– Бла-бла-бла-бла... все с вами ясно, – пробормотала Катя презрительно и нажала на «иконку» «Наши сотрудники».

На экран полезли фотографии архитекторов и прочих специалистов, которые работали в бюро, картинки с их проектами... Все это было неинтересно, а главное – Катя ужасно злилась на себя, когда просматривала список. Ну не может в нем быть этого человека!

Она крутанула колесико на мышке, стремясь поскорее закончить свое глупое и бессмысленное занятие, и вдруг ахнула: на нее с экрана монитора смотрел Ганин. Немного постаревший, конечно... А рядом с его фото было написано – «Ганин Григорий Кириллович, ведущий архитектор, автор пятидесяти проектов. Работает в бюро восемь лет. Владеет всеми смежными профессиями, разрабатывает все направления проекта. Его наиболее известные проекты – ресторан-клуб «Годзилла» в Юго-Восточном округе, Дом Предпринимателя на Солянке, коттеджный комплекс на Можайском шоссе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.